

Свет Меноры

Свет Меноры

Сборник статей

г. Самара
2020 г.

УДК 08 (082)(-411.16)

ББК 63.3 (2) 6-7

С24

Свет Меноры. Сборник статей / Составители И. Р. Шейнин, Я. Г. Трахт. –
Самара : ООО «Полиграфическое объединение «Стандарт», 2020. – 87 с.

ISBN 978-5-6045074-7-6

ISBN 978-5-6045074-7-6

9 785604 507476

© Оформление. ООО «Полиграфическое
объединение «Стандарт», 2020.

Местная религиозная организация
ортодоксального иудаизма г.Самары
«ОР ИСРАЭЛЬ» ("Свет Израиля")

Самарское отделение Российского еврейского конгресса

ГЕНКА «Гарбут лаАм»

Свет Меноры

Сборник

Посвящается 300-летию со дня рождения Виленского Гаона

Самара 2020

Тех, кто знаком с историей еврейского народа, не удивит тот факт, что доля евреев среди нобелевских лауреатов в 100 раз больше, чем среди жителей Земли. Знание всегда ценилось евреями необычайно высоко. Элияху бен Шломо Залман, Виленский Гаон, не занимая никаких официальных постов, с 1785 г. получал от общины Вильно денежное содержание, которое было выше жалованья раввина. Община ценила его эрудицию и интеллект. Выдающийся комментатор Торы и Талмуда изучал также математику и астрономию.

Многовековая история еврейского народа запечатлена и в священных книгах, и в многотомных светских изданиях. Эта история становится совсем конкретной и близкой благодаря многочисленным воспоминаниям о родителях и прародителях, фактам и легендам, передаваемым от поколения к поколению в каждой еврейской семье.

Термин «гражданское общество», появившийся сравнительно недавно, так и хочется использовать как важнейшую характеристику еврейской жизни. Для еврея тратить время и деньги на «благие дела» – это и заповедь, и естественный способ существования.

Небольшая книжка, которую вы видите перед собой, следует традициям, отмеченным выше. В ней вы найдете статьи, посвященные филологическим изысканиям и театральному искусству, еврейскому праву и замечательной истории иудейской общины г. Самары (послевоенного Куйбышева), выжившей в невероятно трудных условиях благодаря вере, энтузиазму и бескорыстию ее приверженцев. А также и описания трагических и одновременно счастливых судеб еврейских семей из Самары.

Я несказанно рад, что еврейская жизнь в Самаре продолжается, и глубоко признателен общине «Ор Исраэль» за бережное отношение к памяти моего деда Йегуды-Лейба Полтеровича, последнего раввина Самарской хоральной синагоги.

В.М. Полтерович,
академик РАН

ПРЕДИСЛОВИЕ ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ СБОРНИКА

В 2020 году исполняется 300 лет со дня рождения одного из величайших мудрецов в еврейской и мировой истории – Элиягу бен Шломо Залмана, известного всему миру как Виленский Гаон.

Многие страны и организации выделяют этот год, отдавая дань уважения еврейскому гению. Литовский сейм объявил 2020-й Годом Виленского Гаона. ЮНЕСКО внесло 300-летний юбилей Виленского Гаона в список юбилеев на 2020-2021 год. В ЕС запущена в обращение памятная монета номиналом в 10 евро с надписью на литовском языке и идише: «Стоит только захотеть, и будешь гением».

Самарская еврейская община решила отметить эту знаменательную дату изданием сборника материалов, посвященного памяти Виленского Гаона.

Материалы самые разные – есть статьи по филологии и галахическому праву, есть исторические и культурологические исследования, есть воспоминания о евреях, оставивших свой след в жизни Самары. Несмотря на такое разнообразие, все материалы объединены общими целями: внести свой вклад в развитие еврейской жизни Самары, способствовать духовному и интеллектуальному росту читателей, объединить всех тех, кто стремится так или иначе выразить свой интерес к еврейской тематике.

В Самаре, к сожалению, достаточно много евреев, которые не ходят в синагогу, не принимают участия в еврейской жизни и никак не проявляют своей причастности к еврейскому народу, не осознавая, что быть евреем – это гораздо больше, чем определенное сочетание генеалогических факторов. Творец наделил евреев особой миссией – жить так, чтобы подавать пример другим народам, а для выполнения этой миссии нам дана еврейская душа. И свойство еврейской души в том, что, даже если человек не ходит в синагогу, не участвует в еврейских праздниках, да и вообще забыл, что он еврей, – его душа не может этого забыть. И та самая экзистенциальная тоска, которая порой нас преследует, – это в том числе потребность еврейской души в еврейской самореализации.

Таким образом, участие в данном издании – это отличная возможность реализовать себя, трансформируя свою экзистенциальную тоску в конкретные публикации, и благодаря этому начать или продолжить свое движение к еврейской жизни, к еврейскому окружению и, в конечном счете – к Творцу.

Этот сборник – наш первый (надеюсь, не последний) опыт такого рода. Мы хотели бы, чтобы все заинтересованные читатели, т.е. потенциальные авторы, поделились с нами своими пожеланиями, критикой

и рекомендациями, помогли нам сделать следующий сборник на более высоком уровне.

Надеемся, что публикация сборника займет достойное место в жизни самарской еврейской общины. Ждем ваших откликов на vilengaon@gmail.com

Составители сборника выражают искреннюю благодарность потомкам последнего раввина Самарской хоральной синагоги Й.-Л. Полтеровича: д.э.н., профессору, академику РАН В.М. Полтеровичу, С. Сулимани (Янчук) (Канада), М. Палтеру (США); Самарскому отделению РЕКА в лице М. Шмуклера и Л. Боярского; ГЕНКА «Тарбут ЛаАм» в лице Ю. Коган и Т. Ларцевой; руководителю управления национальной и конфессиональной политики департамента по связям с общественностью администрации губернатора Самарской области Н. Осиповой, а также многим друзьям общины «Ор Исраэль», без которых выпуск этого сборника был бы невозможен.

THE STORY OF A MISSING PAGE

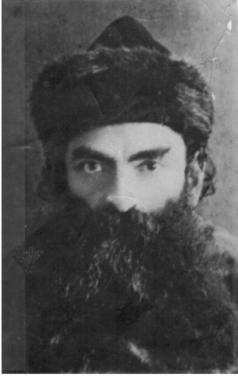

Photo 1 Yehuda Leib Palterovich

Rabbi Yehuda Leib Palterovich (Иеруда-Лейб Палтерович)¹, son of Chaim Nachum, was born in 1878 (תרל"ח) in the town of Simna (Симно)². According to a family legend, he was a descendant of the Taz (Rabbi David HaLevi Segal, the Turei Zahav)³. In 1900 (תר"ס), while being only 22 years old, R' Yehuda Leib succeeded his father as the Av Beis Din⁴ of the town. Afterwards he became the Av Beis Din of the town of Bykhaw (Быхов)⁵, and finally in Samara (Самара), where he served for the rest of his days. R' Yehuda Leib had two manuscripts ready for publication that were never printed: «Shem Yehuda», Q&A and new commentary of the Mishnah, and «Higayon Yehuda», a series of sermons. Additionally, he had a Sanz⁶ certificate of the Polish Rabbis.

Photo 2 Palterovich Family:
(from left to right) Paulina,
Bluma (on top), Hazkel (on
bottom), Channah, Meir (on top),
Judith (on bottom)

Rabbi Yehuda Leib married Channah, the daughter of the great Rabbi Moshe Bezalel Luria (Моше-Бецалель Лурія)⁷. R' Moshe Bezalel was the Rabbi and Av Beis Din of the town of Sejny (Сейны) and later of Suwalki (Сувалки), and was known as the «genius from Suchowola». R' Moshe Bezalel wrote thirteen books, ten were published during his lifetime, two were published posthumously by his descendants, and another one, an interpretation on the «Book of Parnas»⁸ was sent by his son R' Zvi Aryeh Leib to R' Yehuda Leib, so that he could publish it together with his own interpretations.

R' Yehuda Leib worked his whole life on this manuscript entitled «VeZot LeYehuda», along with copying his father-in-law's commentary of the «Book of

¹ Thanks to the research of John Phillips (UK/Israel) we know that there exist alternative spellings of the surname, e.g. Paltrowitz, Paltrowitch, Paltrowicz, Polterovich. Yehuda Leib was the only representative of the Palterovich rabbinic dynasty who stayed in Russia after the revolution. The rest of the family moved to UK and North America. Descendants include an Oscar-winning American actress Gwyneth Paltrow; Peter Taylor, former Lord Chief Justice of England; a British writer and historian Simon Sebag-Montefiore; a former US Congress member Gabrielle Giffords; a renowned Russian economist Victor Polterovich.

² Simnas, Lithuania, see <https://en.wikipedia.org/wiki/Simnas>

³ One of the greatest Polish rabbinical authorities, see https://en.wikipedia.org/wiki/David_HaLevi_Segal

⁴ The presiding rabbi of a Beis Din (rabbinical court)

⁵ A town in the eastern Belarusian Mogilev Region, see <https://en.wikipedia.org/wiki/Bykhaw>

⁶ A Hasidic dynasty originating in the city of Sanz in Galicia, see <https://en.wikipedia.org/wiki/Sanz>

⁷ A prominent Jewish scholar (1835-1914). Father in law of R' Yehuda-Leib Palterovich.

⁸ Composed between 1250-1350. A collection of traditions, customs, and halakhic rulings of R' Meir (Maharam) of Rothenburg, as recorded by his student, R' Moshe Parnas. https://www.sefaria.org/Sefer_HaParnas?lang=en

Parnas». However, he got sick and passed away in 1934 (תרצ"ד) at the age of 56, and was able to finish his interpretations only up to the 160th mark (סימן ק"ס). Until his last days he tried to send R' Moshe Bezalel's manuscript back to Luria's descendants, but as Rabbi Elchonon Sorotzkin⁹, Luria's grandson, wrote in the preface to his grandfather's 12th book «Mel'echet Bezalel»: «the manuscript of his [R' Moshe Bezalel's] book about the Parnas... was found in the Bloodlands in the hands of the genius son-in-law R' Yehuda Leib Palterovich ZTL¹⁰, Av Beis Din of Bykhaw and lately of Samara, who tried until his last days to pass the manuscript to our hands, and when he perished, the hopes of getting the manuscript perished with him». However, the manuscript of R' Moshe Bezalel has mysteriously arrived at the National Library of Israel¹¹.

Thanks to the efforts of Mark Palter, R' Yehuda-Leib's grandson, the manuscript of R' Yehuda Leib has also found its way to the West in 1992. A few years ago, Mark got in touch with Dr. Yair Degani, a distant relative: Degani's great-grandmother Chaya-Liba, was the sister of R' Meir Paltrowitz, R' Yehuda Leib's grandfather. Dr. Degani was the one who deciphered R' Yehuda Leib's manuscript and figured out its significance. Moreover, he discovered a double page missing from R' Moshe Bezalel's original manuscript hidden in between R' Yehuda Leib's writings! This page and extensive parts of R' Yehuda Leib's manuscript were used by publishing house «Machon Yerushlayim» where R' Moshe Bezalel's interpretations of the «Book of Parnas» were finally printed in 2014.

Thanks to the kind help of Moshe Krauss, all of Rabbi Yehuda Leib's manuscripts can be found in their original form in «Otzar HaHochma»¹², the largest digital library of Judaic books.

**Ana Polterovich is a great-great-granddaughter of R' Yehuda-Leib Palterovich. She lives and studies in Jerusalem.*

⁹ A prominent rabbi and a head of the system of independent religious schools (Chinuch Atzmai) in Israel. Son in law of R' Zvi Aryeh Leib Luria, and a son of Zalman Sorotzkin, a leader of the Agudath Israel.

https://en.wikipedia.org/wiki/Zalman_Sorotzkin

¹⁰ May the memory of the righteous be a blessing.

¹¹ In the late 1940s and 1950s, more than 200,000 Jewish books and manuscripts that were confiscated by the Nazis during the Holocaust, were brought to Israel with the efforts of the Jewish Cultural Reconstruction organization and of the Jewish National and University Library (now the National Library of Israel).

[https://www.nli.org.il/en/manuscripts/NNL_ALEPH000043934/NLI#\\$FL16850745](https://www.nli.org.il/en/manuscripts/NNL_ALEPH000043934/NLI#$FL16850745)

¹² It can be found in the following links:

Q&A: <https://tablet.otzar.org/pages/?&restore=1&t=1596628145047&book=182993>

Commentary on the Mishnah: <https://tablet.otzar.org/pages/?&restore=1&t=1596628145047&book=182994>

Commentary on Sefer HaParnas: <https://tablet.otzar.org/pages/?&restore=1&t=1596628145047&book=182995>

*И.Р. Шейнин,
к.ф.н., доцент*

ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ ИУДАИЗМЕ (по следам дискуссии Э. Левинаса¹³ и П. Рикёра¹⁴)

Революционные волнения мая 1968 года в некоторой степени подорвали этико-религиозные учения двух великих мастеров французского университета, которые вновь вернули идею Бога в свои философские рассуждения. «Левый» студент Сорбоннского университета дошел до заявления о том, что бессмысленно сидеть на скамье философского факультета, чтобы слушать проповеди раввина (Левинас долгие годы был руководителем Парижской ешивы) и пастора (Рикёр в молодости получил религиозное образование вместе с Каролом Войтылой, будущим Папой Римским).

В сборнике, опубликованном Э. Левинасом в 1982 году под вызывающим размышления названием «О том, что не вмещает в себя строчка текста: чтение и обсуждение Талмуда»¹⁵, мы читаем на страницах 107–122 превосходный урок, посвященный Полю Рикёру в честь его 65-летия и озаглавленный «О религиозном языке и трепете перед В-вышним». В нем Левинас тщательно исследует самые сокровенные аспекты религиозного языка, особенно когда он обращен к Б-гу или относится к нему.

В самом деле, как вести философский дискурс о Б-ге? Да, можно обратиться к Б-гу с речью, она называется молитвой, и это породило во всех религиях литургические обряды. Но все это – человеческая речь, обращенная к трансцендентности или связанная с ней, по своей сути неподходящая или не попадающая, по крайней мере частично, в свою цель. Талмудическая традиция, взявшая на себя миссию понятного толкования Торы и ее документов (в данном случае двадцати четырех книг еврейской Библии), не закрывала глаза на недостатки человеческого дискурса, особенно применительно к Б-гу, с учетом непреодолимых границ любого языка. Именно по этой причине исследователи Священного Писания разработали следующую формулу, которая точно определяет область экзегезы: «Тора была выражена на языке людей». И этот экзегетический канон упоминается почти двадцать раз в Вавилонском Талмуде.

¹³ Эммануэль Левинас (фр. Emmanuel Lévinas; https://fr.wikipedia.org/wiki/Emmanuel_Lévinas (30 декабря 1905 (12 января 1906), Ковно – 25 декабря 1995, Париж) – французский этический философ. Был профессором Сорбонны. С 1957 года в рамках проекта «Талмудические чтения» занимался составлением комментария к Талмуду.

¹⁴ Рикёр (Ricoeur) Поль (27.2.1913, Валанс, деп-т Дром – 20.5.2005, Шатне-Малабри, близ Парижа), франц. философ, представитель феноменологической [герменевтики](#). Из протестантской семьи. Окончил университет Рена (1933), учился в Сорбонне (1934–35). Испытал большое влияние французской рефлексивной философии (Ж. Ланьо, Ж. Лашелье, Ж. Набер), христианского экзистенциализма Г. Марселя и К. Ясперса, персонализма Э. Мунье, [психоанализа](#) З. Фрейда, феноменологии Э. Гуссерля; слушал лекции Н.А. Бердяева. <https://bigenc.ru/philosophy/text/3509371>

¹⁵ <https://www.chapitre.com/BOOK/levinas-emmanuel/1-au-dela-du-verset-lectures-et-discours-talmudiques,1172976.aspx>

Каким образом мы должны это понять? Эти несоответствия, а иногда и определенные противоречия Торы, относящиеся к Б-гу и божественной сущности в целом, влияют на нашу языковую среду, от которой зависит наше языковое поведение и которая является единственной, имеющейся у человека. Вопрос должен быть задан, и именно поэтому традиция взяла на себя задачу ответить на него. Эта же традиция установила еще один экзегетический принцип, чтобы сохранить положительное содержание Торы, заповедей, предписаний и запретов, оберегая от чрезмерного обращения к аллегорическим толкованиям. По мнению Э. Левинаса, позиция апостола Павла с его тенденцией к отказу от ясных и четких определений лишила религиозный текст своего внятного содержания. В противоположность этому, наш главный принцип сформулирован следующим образом: ни одна ссылка на Священные Писания, ни один библейский стих не могут быть лишены своего буквального или очевидного значения.

Длинная талмудическая цитата, искусно подобранная Левинасом в качестве дани уважения к своему коллеге Рикёру, встречается как в Berachot 33b, так и в Meguilla 25a. Он точно показывает пределы религиозного языка, а также касается темы любви и страха перед Б-гом. Как обычно, лаконичный и очень компактный стиль Талмуда требует терпеливого и внимательного чтения, а именно запрета повторения или искажения формулы благодарности и признательности (*modim anakhnu lakh*), вставленной в основной текст ежедневной литургии, называемой восемнадцатью благословениями (*Shmone esre*). С присущей ему пронизательностью Левинас резюмирует занимающую нас проблему: в чем же тогда благочестие, благодаря которому разговор с Б-гом или молитва возможны вообще? Это то, что Левинас называет красивой фразой «неприемлемые похвалы». Это возвращает нас к сути дела: вопрос касается существования или запрещения хвалы Б-гу на религиозном языке как таковом. Так как же человек может общаться с Б-гом (если это вообще возможно), не адресовав ни малейшей похвалы тому, кого правильно или ошибочно считает своим Создателем? И рав Ханина разделяет это мнение и приказывает запретить. Вот предыстория: Дварим 10; 17: «Вложите в уста, по указанию Моше, следующие божественные атрибуты: Бог великий, сильный и грозный¹⁶». И эта тройная формула была использована в первых строчках «Восемнадцати благословений», уже упомянутых выше. Но теперь рав Ханина снова слышит молитву одного из своих соседей, который считает, что она служит славе Б-га, добавляя к этим трем атрибутам множество других. Мудрец ждет, когда недоучка закончит свою молитву, и твердо исправляет ошибочные взгляды своего ближнего следующей притчей: чтобы ясно показать, что религиозный язык никогда

¹⁶ «ибо Бог, всеисильный ваш, – всеисильный Бог Богов и владыка владык, всеисильный Бог великий, сильный и страшный, который не лицепритяствует и мзды не берет» http://www.machanaim.org/tanach/e-dvarim/inde03_3.htm

не сможет выйти за пределы определенных границ, он приводит следующее сравнение: «Представьте себе царя из плоти и крови, благословения которому приравнены к тысяче золотых шекелей, ваши же благословения соответствуют тысяче серебряных монет! Вопреки тому, что вы думаете, вы не превозносите Б-га своими дополнениями и преувеличениями, вы уменьшаете его!». И мудрый человек заключает так: даже три божественных атрибута (великий, сильный, страшный) никогда не были бы восприняты молитвой, если бы они не были произнесены Моше, нашим господином.

Это напоминает нам отрывок из «Путеводителя растерянных» Маймонида¹⁷, когда автор говорит о божественных качествах; он принимает тот же образ, переходя от самого драгоценного металла, золота, к другому, гораздо менее драгоценному, а именно к серебру. Поэтому мы возвращаемся к выводу Э. Левинаса: если не принимать тех границ, которые установили наши мудрецы по отношению к тем допущенным гиперболам и метафорам, восхваление Б-га в рамках религиозного, литургического канона было бы невозможным.

¹⁷ «...мы увидели, что когда невежда из раввинских масс изучает эти мидраши, он не находит в них ничего затруднительного, ибо невежда и глупец, лишенный знаний о природе сущего, не отвергает невозможного. Если же [мидраши] будет изучать совершенный и достойный, то с неизбежностью произойдет одно из двух: он либо воспримет оные в их внешнем смысле и составит неблагоприятное мнение об их авторе, сочтя его глупцом, в чем, впрочем, не будет подрыва основ веры; либо он предположит в них внутренний смысл; в этом случае он избежит [несправедливого суждения] и сможет придерживаться благоприятного мнения о говорящем, вне зависимости от того, ясен ли ему внутренний смысл речения или нет... Сказал мудрец: «Золотые яблоки с серебряным украшением (П"ו"ש"פ) – слово сказанное разумно». Выслушай разъяснение мысли, которую он здесь высказал. [Слово] означает ажурные резные украшения, то есть такие, в которых есть места, усеянные мельчайшими отверстиями, как это делают ювелиры. Такое название дано им из-за того, что они пронизаемы для взора: Таргум передает פ"ו"ש"פ ("и взглянул) как פ"ו"ש"פ. Итак, здесь говорится, что *золотое яблоко в серебряной сетке с чрезвычайно мелкими ячейками* подобно слову, сказанному в двух смыслах.

Воззри, сколь дивно это изречение описывает мудро устроенную аллегорию! Ведь, как здесь говорится, речению, наделенному двумя ликами (я имею в виду то, что в нем есть и внешнее, и внутреннее), подобает, чтобы наружный вид его был прекрасен, как серебро, а внутренний смысл был прекраснее внешнего смысла, так, чтобы внутренний смысл в сравнении с внешним был как золото в сравнении с серебром. Подобает также, чтобы во внешней стороне аллегории имелось бы нечто, дающее внимательному наблюдателю указание на то, что скрыто внутри, – подобно тому, как это золотое яблоко, покрытое серебряной сеткой с мельчайшими ячейками, если смотреть на него издали или не слишком внимательно, можно принять за серебряное; если же обладатель зоркого взгляда всмотрится в него чрезвычайно пристально, ему станет ясно, что находится внутри, и он узнает, что оно – золото.

Таковы созданные пророками (да будет мир над ними!) аллегории: их внешний смысл – мудрость, полезная во многих областях, в том числе для улучшения состояния человеческих сообществ, как это явно видно на примере внешнего смысла Книги Притч и тому подобно; а внутренний смысл – мудрость, приносящая пользу в деле обретения истинных убеждений в их истинности... И знай, что пророческие аллегории бывают двух типов: в некоторых аллегориях каждое слово фиксирует некоторое понятие; в других только вся аллегория в целом выражает все аллегоризируемое понятие в целом; в этой аллегории может быть очень много слов, не всякое из которых добавляет что-либо аллегорически изображаемому понятию, но, быть может, служит либо украшению аллегории, либо упорядочению ее речений, либо цели еще большего сокрытия подразумеваемого, для чего речения ее последовательно приводятся в соответствие со всем тем, что вытекает из внешнего смысла этой аллегории. Уразумей это хорошенько!»

http://www.machanaim-2.org/machanaim/philosof/more_nev/moret_-2.htm

СТАТУС ПЛОДА¹⁹ В ЕВРЕЙСКОМ ГАЛАХИЧЕСКОМ²⁰ ПРАВЕ FETUS STATUS IN JEWISH HALACHIC LAW

Статья посвящена актуальным вопросам правового статуса эмбриона и их освещению в традиционных источниках ортодоксального иудейского (моисеева) права, от Пятикнижия, мудрецов Мишны и Талмуда до нашего времени, а также сравнению этих источников с современными юридическими кодексами международного права.

The article is devoted to topical issues of the legal status of the Human embryo and their coverage in traditional sources of Orthodox Jewish (Moses) law, from the Pentateuch, the Mishna and the Talmud to our time, as well as the comparison of these sources with modern legal codes of international law.

Ключевые слова: статус эмбриона, Моисеево право, иудейский закон, Устная Тора, иудаизм

Keywords: embryo status, embryo in Torah Law, law of Moses, Judaic law, oral Law, Oral Torah

Мы живем в эпоху гуманизма. Идея святости человеческой жизни принята сегодня большей частью человечества за основу мировоззрения. Источник этой идеи находится в Торе, Святом Писании иудеев и христиан. Создание человека по образу и подобию Б-га – центральное положение Торы²¹. Отсюда следует, что лишить человека жизни значит совершить тяжчайшее преступление. Запрет на убийство входит не только в число 613 заповедей²², предписанных Торой еврейскому народу, но и в число 7 законов потомков Ноя, т.е. законов, предписанных всему человечеству²³. Ценность жизни неизмерима, и сократить ее хотя бы на мгновение равносильно совершению убийства. Рука убийцы лишает мир присутствия Б-га. "Убивающий человека разрушает целый мир" (Мишна, трактат Санэдрин 4:5). Заповедь "Не убивай"²⁴ относится не только к жизни других людей, но и к нашей собственной. Человеку запрещено рисковать жизнью напрасно, тем более добровольно лишать себя жизни. И в той же степени, как нам заповедано сохранять и оберегать нашу собственную жизнь, мы обязаны дорожить и жизнью других людей. Но с какого момента можно говорить о факте существования человеческой жизни в теле? Является ли эмбрион человеком в полном смысле слова или нет, и если да, то с какого

¹⁸ Раввин синагоги Бейт Марина (г. Люберцы, Московская обл.), с 2011 по 2017 гг. гл. раввин г. Самары и Самарской обл., выпускник Иерусалимской высшей школы «Атерет Иерезль» и Гейтсхедского теологического колледжа (GTC) «Бейт Йосеф», ВА (Туро Колледж) moshe.estrin@gmail.com

¹⁹ Человеческого эмбриона.

²⁰ Галаха, или алаха, ивр. הלכה – раздел Торы, письменной и устной, содержащий законы и установления иудаизма, составляющие традиционное иудейское право, которое регламентирует как религиозную, так и семейную и общественную жизнь иудеев.

²¹ Тора, Берешит 1:26: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему».

²² Согласно галамудической традиции (Вавилонский Талмуд, трактат МакоТ 23:2), в Торе содержится 613 заповедей – религиозных постановлений и запретов. Список этих постановлений был составлен на основании Торы и Талмуда Маймонидом и приводится в «Сэфер аМицвот», в дальнейшем с небольшими изменениями были составлены и другие кодексы 613 заповедей – «Сэфер аХинух», «Сэфер Мицвот аГадоль», Сэфер Мицвот аКапар» и др.

²³ Маймонид, «Мишне Тора», разд. Законы царей 8:11.

²⁴ Тора, Шмот 20, 13: «Не убивай».

момента внутриутробного развития, и всеми ли правами он обладает или остается органом матери до момента отделения от ее тела? Может ли эмбрион обладать имуществом, наделять имуществом других, имеет ли он гражданский статус и может ли его изменить?

Н.А. Белобрагина в статье «Правовой статус эмбриона»²⁵ кратко формулирует подходы мировой юридической мысли к вопросу о статусе плода. В частности, она выделяет два подхода: с одной стороны, эмбрион – субъект права, полноправный участник правоотношений, приравненный к человеку. При этом речь все же идет о необходимости охраны эмбриона как **начала** человеческой жизни, а не о признании его субъектом права в полной мере, в отличие от ребенка. Однако эмбрион также и объект права: а) это вещь, относительно которой могут возникнуть правоотношения имущественного характера; б) это часть организма матери, приравненная к органам и тканям человека.

В статье 6 Всеобщей декларации прав человека²⁶ и статье 16 Международного пакта о гражданских и политических правах²⁷ эти вопросы не конкретизируются. В них закрепляется лишь принцип: «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности», а не само положение о праве эмбриона на правосубъектность, поскольку неясно, можно ли приравнять эмбрион к человеку до факта его рождения. Региональные международные правовые акты содержат практические идентичные формулировки. Исключение, пожалуй, составляет Американская конвенция о правах человека, в статье 4 которой указывается: «Это право [право на жизнь] защищается законом, как правило, с момента зачатия».

Судебная практика Европейского суда по правам человека (дело *Paton vs UK*²⁸) не признает за эмбрионом наличие юридических характеристик, свойственных физическим лицам.

На наш взгляд, отождествление эмбриона с вещью является неправомерным, нельзя не принимать во внимание достижения медицинской науки, свидетельствующие о зарождении человеческой жизни с момента зачатия, отношение же к эмбриону как к вещи ведет к обесцениванию человеческой сущности.

В науке имеется еще одна точка зрения: эмбрион – часть организма матери, орган человека. Ее поддерживает практика Европейского суда по правам человека. Так, по делу *Bruggeman and Scheuten vs Germany*²⁹ Европейский суд постановил: «Жизнь эмбриона неразрывно связана с

²⁵ Белобрагина Н.А. Правовой статус эмбриона // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 1–2.

²⁶ Всеобщая декларация прав человека. Изд. Проспект, 2020 г.

²⁷ Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.

²⁸ Дело «Paton против Великобритании», жалоба № 8416/79, п. 9, решение Европейской комиссии по правам человека, п. 244 (1980 г.).

²⁹ Доклад Европейской комиссии от 12 июля 1977 г. по делу «Брюггеман и Шойтен против Германии» (*Bruggeman and Scheuten v. Germany*), жалоба № 6959/75, Decisions and Reports 10).

жизнью беременной женщины и не может рассматриваться в отрыве от нее». В этом направлении движется и российское законодательство: неродившийся ребенок или человеческий эмбрион с точки зрения закона человеком не является.

Согласно части 2 статьи 17 Конституции Российской Федерации, права и свободы человека принадлежат ему от рождения. Следовательно, неродившийся человек не является субъектом права и никаких прав, в том числе гарантированного статьей 20 Конституции права на жизнь, не имеет. Человеческий эмбрион, находящийся в теле матери, является частью этого тела³⁰.

Исследуемый вопрос рассматривается в Торе, и, на первый взгляд, источники Письменной и Устной Торы расходятся в определениях. В иудаизме Устная Тора является непосредственным дополнением Пятикнижия Моисеева, которое называют Письменной Торой. Все положения Устной Торы являются обязательными к исполнению в той же мере, что и законы Письменной Торы, поскольку, согласно мировоззрению иудаизма, на горе Синай Моисей получил обе части Торы – и Письменную, и Устную, ее поясняющую³¹.

В разных источниках Письменной и Устной Торы рассматриваются различные аспекты статуса эмбриона: эмбрион как объект гражданского (в отношении гиора), уголовного (аборт, спасение жизни матери ценой жизни плода) права, эмбрион как субъект права (наследство), как объект (имеет ли право один из родителей без согласия другого использовать эмбрион для его имплантации и рождения, есть ли возможность у родителей продать эмбрион, право суррогатной матери разорвать связь с биологическими родителями и не отдать им ребенка и т.д.), эмбрион по отношению к законам чистого и нечистого, в отношении левиратного брака и т.д. В большинстве случаев, согласно Торе, статус эмбриона не равен статусу человека. Везде, где Тора говорит о человеке как об адеме (אדם), эмбрион не включается в это понятие, тем более, когда используется термин זָרָא (мужчина), определяющий гражданский статус, тем более, когда идет речь о נַפְשׁוֹ, душе, т.е. о законах жизни и смерти (подразумевающих возможность смертной казни). В целом, Тора не готова признавать за ребенком до его рождения права личности со всеми вытекающими отсюда последствиями. В большинстве случаев за плодом не признается право владения имуществом, купли, продажи, наследования. Вместе с тем за ним признается некий статус, предполагающий будущую жизнь, которую нельзя уничтожить уже сегодня, потому что в дальнейшем из эмбриона родится ребенок, обладатель всей полноты человеческих прав и обязанностей. В отношении того, можно ли считать эмбрион частью тела

³⁰ Конституция Российской Федерации 1993 г. М., 2015.

³¹ Иерусалимский Талмуд, трактат Пеа 2:4: «Танах, Мишна, Талмуд и Агада и даже те положения, которые лучший ученик позже истолкует перед своим учителем, – все это было прежде сказано [Богом] Моше на Синае».

матери, мнения галахических авторитетов также расходятся. В рамках данного доклада мы не сможем рассмотреть всю полноту правовых нюансов в отношении плода и остановимся на некоторых из них, на наш взгляд, наиболее актуальных.

Письменная и Устная Тора о статусе эмбриона

Источник 1. Письменная Тора

«И если подерутся люди и ударят беременную женщину, и выйдут [на свет раньше срока] дети ее, но не случится несчастье [с женщиной], то будет покаран [взысканием денежным], когда наложит на него муж той женщины [через бейт-дин³²], и даст он по решению судебному» (Тора, Шмот 21:22).

Поскольку наказанием за умышленное убийство согласно Торе положена смертная казнь, а за неумышленное убийство – изгнание в город-убежище, в то время как в отношении выкидыша приговором будет денежная компенсация, как и за нанесение женщине увечья, то очевидно, что Тора не рассматривает смерть эмбриона как убийство. Однако нельзя сказать, что Тора считает эмбрион органом матери – компенсацию, против ожидания, получает не мать, а отец ребенка.

Источник 2. Устная Тора

Талмуд³³ Вавилонский, трактат Гиттин 23:2

«Плод – орган матери». Следствия: 1) по отношению к животному: шхита³⁴ беременного животного отменяет необходимость в шхите плода, даже если он жизнеспособен, нет необходимости в шхите; 2) по отношению к человеческому эмбриону: согласно одному из мнений мудрецов Талмуда, нееврейка, прошедшая гиюр³⁵ и окунувшаяся в микву, сделала ненужным окунание в микву³⁶ ее ребенка после родов. Свое окунание он уже прошел, будучи в утробе матери, как подводит итог Талмуд в трактате Евамот 78, и, согласно утверждению мудрецов в трактате Нида 34:1, «изначально одно тело, сейчас два тела» – до родов тело матери и эмбриона составляет единое целое, впоследствии разделенное на два тела.

Источник 3. Устная Тора

Мишна, трактат Нида, гл. 3, мишна 3:

«Младенец одного дня отроду [и старше] делает нечистым истечением, пятном, нечистотой мертвого, делает вдову обязанной ожидать левиратного брака, освобождает от левиратного брака, дает право есть от пожертвований, лишает права есть от пожертвований,

³² Суд, руководствующийся иудейским правом.

³³ Подробный свод законов Устной Торы, комментарий к Мишне.

³⁴ Забой животного, предписанный еврейским законом. При этом способе забоя одним движением чрезвычайно остро отточенного ножа перерезаются крупнейшие кровеносные сосуды, снабжающие кислородом головной мозг, вместе с дыхательным горлом, и животное впадает в забытие до того, как получает болевой импульс.

³⁵ Переход нееврея в иудаизм, существенным моментом которого является добровольное принятие перед бейт-дином заповедей и окунание в микву.

³⁶ Ритуальный бассейн, наполненный проточной или дождевой водой и содержащий 40 сеа (ок. 250 л) воды.

наследует и оставляет наследство, и убивший его виновен». Мы видим здесь целый свод различных законов в отношении ребенка, общее в них то, что их действие начинается только после родов и не ранее. Очевидно, что для мудрецов Мишны понятие адама не включает в себя нерожденного.

Однако в отношении законов чистого и нечистого тоже упоминается адам (Тора Бемидбар 19:13): «прикоснувшийся к мертвому от всякой души человеческой». Здесь уже вопрос о включении и исключении плода не так однозначен: по словам рабби Ишмаэля, «исключая младенца в утробе матери», но, по мнению рабби Акивы, слова от *всякой* души человеческой включают также плод.

Определение галахического статуса эмбриона в различных правовых аспектах

1. Запрет убийства в Торе, письменной и устной, 613 заповедей.

Из приведенного выше источника 1 мы видим, что ответственность за убийство в случае выкидыша в результате нападения предусмотрена, только если «случится несчастье» (произойдет смерть) женщины, если же несчастье не случилось и женщина жива, а погиб «только» плод, то за это выплачивается денежная компенсация. Таким образом, плод приравнен не к человеку, а к имуществу, которому нанесен ущерб. Однако следует ли отсюда, что, помимо нанесения ущерба, никакой иной проблемы Тора здесь не видит? Безусловно, нет! Точно так же мишна в трактате Нида (источник 3) подчеркивает, что убивший новорожденного младенца виновен, исключая, таким образом, убийцу нерожденного младенца. Отсюда можно сделать вывод, что в запрет Торы убивать человека убийство эмбриона не включено. Однако, по неясной причине, ни в мишне, ни в берайте³⁷, ни в Талмуде этот вывод не формулируется, и впервые мы видим его уже у ришоним³⁸, в частности, в Мишне Тора³⁹ Рамбама⁴⁰, в Законах убийства, гл. 2, галаха 6, и тоже по умолчанию: «Как убивший взрослого, так и младенца в первый день его жизни, виновен и подлежит смерти», об убийстве плода мы узнаем по умолчанию, так же, как и в источнике 3, в мишне в трактате Нида. Мудрецы в комментариях к Торе и Талмуду обсуждают эту неувязку, и в целом можно выделить три подхода:

1. Запрет на убийство формулируется в Торе (Ваикра 24:17) словами: «Человек, убивший всякую душу человеческую, смертью умрет». Однако эмбрион нигде не называется в Торе «душой», נַפְשׁוֹ, и даже выражение

³⁷ Отдельные положения Устной Торы, не включенные в Мишну.

³⁸ Раввины и законодатели, толкователи Талмуда, жившие в XI – XV вв.

³⁹ Галахический кодекс Маймонида, рабби Моше бен Маймона (1135 – 1204 гг.), великого мудреца, талмудиста, врача и ученого, кодификатора законов Торы.

⁴⁰ Там же.

«всякую душу» не включает нерожденного. Это уточнение есть у Раши⁴¹, Рамбана⁴² и в дальнейшем используется комментаторами Шулхан Аруха⁴³.

2. Уничтоживший плод не является убийцей, поскольку нет обвинительной базы в Торе, сравнение такого действия с убийством не содержится в Торе.

3. До рождения, а по одному из мнений танаев⁴⁴, 30 дней после рождения жизнеспособность плода под вопросом. Поэтому, поскольку, согласно законам Торы, наказание за убийство возможно только после предупреждения свидетелей, и в нем они должны в точности назвать как преступление, которое преступник готовится совершить, так и объект преступления, а в данном случае статус жизнеспособности объекта находится под сомнением, – предупреждение невозможно, а следовательно, и наказание. Однако это утверждение находит много возражений, и, по сути, отвергается многими ахароним⁴⁵, в частности, потому, что имеет смысл только с точки зрения наказания в суде, но в отношении запрета и суда Небес предупреждение не играет роли, а значит, и объяснение теряет актуальность.

Так или иначе, согласно мнению галахических авторитетов, уничтожение плода не подходит под определение запрета Торы на убийство.

2. Запрет убийства для Бней Ноах (т.е. для неевреев), 7 заповедей.

Помимо 613 заповедей, в Торе сформулированы 7 законов потомков Ноаха (Ноя)⁴⁶, обязательные для всех людей. Один из 7 законов – запрет на кровопролитие, שפיכות דמים. Согласно Вавилонскому Талмуду, трактат Санэдрин 57:2, этот запрет распространяется на уничтожение эмбриона. Талмуд видит намек на это в стихе 6:9 Книги Бытия: «Проливающий кровь человека, человеком его кровь будет пролита». На иврите здесь игра слов: в тексте оригинала отсутствуют знаки препинания, поэтому в буквальном

⁴¹ Акроним имени рабби Шломо бен Ицхака (1040 – 1105 гг.), наиболее известного и авторитетного комментатора ТаНаХа и Талмуда.

⁴² Рабби Моше бен Нахман (1194 – 1270 гг.) – испанский ученый-каббалист, философ и поэт, галахист, комментатор Торы и Талмуда.

⁴³ Кодекс практических законов, признанный всеми направлениями ортодоксального иудаизма. Составлен в XVI в. рабби Йосефом Каро.

⁴⁴ Мудрец Мишны.

⁴⁵ Мудрецы, законодатели и толкователи Талмуда, жившие после появления кодекса Шулхан Арух (XVI век) и до настоящего времени.

⁴⁶ Семь заповедей потомков Ноя – семь заповедей, возложенных Творцом на все человечество. Согласно Талмуду (Санэдрин 56:1), Бог дал человечеству через Адама и Ноя следующие 7 законов:

Запрет идолопоклонства – вера в единого Бога.

Запрет богохульства – почитание Бога.

Запрет убийства – уважение к человеческой жизни.

Запрет прелюбодеяния – уважение к семье.

Запрет воровства – уважение к имуществу ближнего.

Запрет употребления в пищу плоти, отрезанной от живого животного, – уважение к живым существам.

Обязанность создать справедливую судебную систему.

переводе можно прочесть середину стиха как «кровь человека в человеке», и Талмуд спрашивает, что значит «человек в человеке»? И отвечает: это плод! И Рамбам приводит этот запрет в Мишне Тора, Законы Царей, гл. 9, галаха 4.

3. Аборт.

Согласно Тосафот⁴⁷, запрет Торы на аборт распространяется и на евреев, хотя и не приравнивается к убийству, и доказательство – «Нет среди запрещенного для Бней Ноах [праведных неевреев, такого], что было бы разрешено евреям» (Санэдрин 57:2).

Объяснения:

а) убийство плода наносит ущерб его матери, а это запрещено Торой;
б) убийство плода по существу не отличается от убийства младенца, и это «половина убийства» – за него не предусмотрено наказания по суду, но запрет Торы нарушается;

в) «Каждый, кто спас одну человеческую душу, спас целый мир»: мудрецы разрешают нарушить шаббат⁴⁸ ради спасения жизни эмбриона на этом основании.

Разница между ними в том, что первый подход позволяет сделать аборт из медицинских соображений, даже если не идет речь об опасности для жизни матери (Маарит⁴⁹), в то время как два других подхода, из-за запрета на убийство или обязанности спасти жизнь не принимают иных аргументов помимо спасения жизни. Кроме того, если второй подход (в частности, Ритва⁵⁰) видит здесь частичный запрет убийства, и он становится актуальным только тогда, когда сформированы органы плода, согласно нашей традиции, на 40-й день после зачатия, а до этого плод считается «каплей воды», *נְמוּלָה מַיִם* (Талмуд Евамот 69:2), то с точки зрения его оппонентов, для спасения будущей жизни нет разницы между уничтожением семени сразу после зачатия и абортom на более поздней стадии беременности.

В целом, галаха не пришла здесь к единому, однозначному мнению, и до сегодняшнего дня есть разные мнения галахических авторитетов в отношении этого запрета. Каждая конкретная ситуация рассматривается всесторонне и после этого принимается конкретное решение.

4. Спасение жизни матери ценой жизни плода

С точки зрения галахи, аборт, производимый с целью спасения жизни матери, не только допустим, но и обязателен. Когда возникает

⁴⁷ Комментаторы Талмуда, авторы дополнений (тосафот) к комментарию Раши, см. ссылку 15.

⁴⁸ Седьмой день недели, соответствующий седьмому дню Творения, в память о котором Тора предписывает иудеям в шаббат воздерживаться от запрещенных видов деятельности.

⁴⁹ Рабби Йосеф Митерани (1568 – 1639 гг.), Хахам-баши Турции, глава раввинского суда Константинополя, автор галахического репонса, названного по его имени «Шу"т Маари"т».

⁵⁰ Рабби Йом-Тов бар Авраам аСевили (1250 – 1330 гг.), комментатор Талмуда из Севильи, Испания.

вопрос, спасти ли жизнь матери или еще не родившегося ребенка, Закон однозначно высказывается в пользу матери. «Если женщина страдает от родов, которые угрожают самой ее жизни, следует рассечь плод и извлечь его частями, ибо жизнь женщины важнее жизни плода. Если же ребенок большей частью уже появился на свет, нельзя причинять ему вреда, ибо нет у нас права жертвовать одной жизнью ради спасения другой». До того, как ребенок «вышел на свет, он не обладает душой» (Мишна, Трактат «Оалот» 7:6).

5. Нарушение шаббата ради спасения эмбриона

Законы шаббата являются одними из самых важных в Торе, нарушения субботних запретов во времена Санэдрина карались смертной казнью, они допустимы только в случае прямого приказа пророка или царя либо для предотвращения явной угрозы человеческой жизни. «Сказал рабби Шимон бен Менассия: [сказано] «И будут хранить сыны Израиля шаббат» – говорит Тора: ты нарушишь для него одну субботу ради того, чтобы он хранил множество суббот. Сказал рав Йеуда, сказал Шмуэль, [сказано] «Живи ими», а не умирай из-за них» (Йома 85:2). Таким образом, обязанность нарушить шаббат ради спасения человеческой жизни не вызывает сомнений. Однако является ли жизнь плода при отсутствии опасности для жизни матери достаточным основанием для разрешения нарушить шаббат?

Сказано в Талмуде, Трактат Урхин 7:1-2: «Сказал рав Нахман, сказал Шмуэль: «Женщина, умершая во время родов в шаббат, вскрывают ножом утробу ее и достают ребенка». Сказал Рава [отсюда мы учим], что можно принести нож через общественное владение в частное» – отсюда мы можем видеть доказательство, что даже ради нерожденного ребенка можно нарушить шаббат. Однако у Баалей⁵¹ Тосафот возникло сомнение: речь идет о конкретной ситуации с начавшимися родами. Когда мать умерла, ребенок остался «заперт в коробке» и не смог родиться. Следовательно, отсюда мы не можем сделать вывод, что при любой опасности для жизни эмбриона разрешено нарушать шаббат!

Однозначного ответа на этот вопрос Талмуд не дает. Есть три основных школы ришоним:

1. Бааль Галахот Гдолот⁵² считает, что есть обязанность нарушить шаббат ради плода, даже когда нет опасности для жизни матери. Рамбан объясняет это тем, что разрешение нарушить шаббат для спасения жизни в трактате Йома связано с возможностью «соблюдать много шаббатов в будущем», а это объяснение подходит плоду в той же мере, что и новорожденному.

⁵¹ Авторы-составители.

⁵² Неизвестный автор сборника галахических постановлений Гаонов, глав талмудических школ Палестины и Вавилона с VI по XI в. н.э.

2. Согласно Рамбану, и это совпадает с мнением Тосафот, нельзя нарушить запрет шаббата ради спасения плода, если нет опасности для жизни матери, так как нарушение шаббата возможно только там, где есть спасение жизни, как сказано «Живи ими⁵³», а не умирай из-за них» (Вавилонский Талмуд, трактат Йома 85:2). Поскольку жизнь плода не является жизнью в полной мере из-за отсутствия свободы воли, и нельзя сказать, что он «будет жить ими» (заповедями), т.к. обязанностей, равно как и возможностей соблюдения заповедей в настоящем состоянии у него нет, нельзя нарушить шаббат ради его спасения.

3. Мудрецы более позднего периода выработали третий подход, вызвавший много споров. Согласно этому мнению, любая опасность для жизни плода является автоматически опасностью для жизни матери, так как физиологически их организм представляет собой единое целое. С этой точки зрения, в разрешении нарушить шаббат сомнений не остается, а вопрос о нарушении шаббата при возникновении опасности для жизни плода, но не матери, переносится в чисто академическую сферу. Возможно, именно по этой причине Шулхан Арух не вспоминает об этой проблеме ни в законах шаббата, ни в законах Йом Киппура, имеющего в галахе статус, во многом аналогичный статусу шаббата. В наше время в связи с успехами науки, широким использованием ЭКО и прогрессом исследований в области выращивания плода *in vitro*, этот нюанс приобретает дополнительную актуальность.

6. Имущественные законы

В Вавилонском Талмуде, трактат Бава Батра 128:2, обсуждается случай, когда умирающий перед смертью передал свое имущество нерожденному ребенку в подарок. Этот случай рассматривал рав Уна и пришел к выводу, что, хотя нерожденный ребенок и может наследовать, согласно мнению раби Йоси в мишне (Бава Батра 142:2), и Тора наделяет его правами в будущем, и наследство приходит к нему «извне», без его участия в приобретении (Тосафот), но получить этот подарок в своем настоящем статусе, до рождения, он не может, так как невозможно наделить правами того, кто еще не находится в мире (т.е. не родился). Поэтому такая сделка не может завершиться. Если ребенок родился мертвым, то он не становится владельцем наследства и не может передать, в свою очередь, унаследованное своим наследникам. Рамбам, однако, считает, что если мать умерла прежде младенца, и он прожил хотя бы час после ее смерти, то он наследует ее и после смерти передает наследство своим наследникам (отцу и прочим). Таким образом, по Рамбану, причина того, что ребенок до родов считается «не пришедшим в мир», не в его нежизнеспособности, т.к. даже 1 час жизни и смерть после этого показывает, что младенец, и родившись, так же не был жизнеспособен, но

⁵³ Тора, Ванкра, 18:5: «Соблюдайте же уставы Мои и законы Мои, исполняя которые, человек будет жив ими».

родился и, тем не менее, унаследовал и оставил наследство. Реальная проблема состоит в том, что он «скрыт от взоров», невидим, и сторона, передающая имущество, не в состоянии составить четкое решение (גמירות לט) о передаче собственности тому, кто является ее объектом, получателем (Кцот аХошен⁵⁴). Кроме того, согласно мнению рава Нахмана, в Талмуде описана еще одна ситуация, когда плод способен после рождения стать хозяином такого подарка, если в момент заключения сделки было оговорено, что окончательное приобретение состоится в будущем, после родов, и сделка становится протяженной во времени, начнется в момент принятия решения одной из сторон, а завершится только после рождения младенца. Согласно мнению третьего мудреца, рава Шешета, плод подобен родившемуся, может приобретать и передавать приобретенное, т.е. правоспособен, и галаха отвергает этот подход. Кроме того, в Талмуде высказывается еще одно, четвертое мнение, дополняющее первое: даже если считать, что нерожденному невозможно передать имущество так же, как и родившемуся, это справедливо только по отношению к посторонним людям, но если речь идет об отце, то он может передать таким образом имущество своему нерожденному сыну, так как мысль (לט) родителя близка к его сыну, и у него есть представление (גמירות לט) относительно объекта – личности получателя (Респонс рабейну Ашера, 82:4).

7. Брак

Невозможен брак (קידושין) для младенца в утробе матери, как мужского, так и женского пола. Талмуд разбирает ситуацию, связанную с замужеством, в отношении дочери, т.к. именно относительно замужества дочери Тора дает всю полноту прав отцу выдать ее замуж по своей воле начиная с рождения, получив за нее кольцо посвящения (и, таким образом, заключить брак).

Мишна Киддушин, гл. 3, мишна 5: «Говорящий товарищу: если родит твоя жена девочку, будет этим [кольцом] посвящена мне (т.е. станет моей женой) – не посвящена».

Талмуд Киддушин 62:2: «Сказал рабби Ханина: не говорится это (сказанное в мишне), а только если его жена не беременна, но если беременна – его слова верны».

Поским сомневаются, идет ли галаха по мнению рабби Ханины. Автор Шулхан Аруха (Эвен аЭзер 40:8) высказывает сомнение и предполагает, что, возможно, галаха соответствует мнению рабби Ханины и устрожает, это означает, что из-за возникшего сомнения под вопросом то, что дочь считается замужней и запрещена остальным. По этому же пути идет и Рамбам, добавляя, что если жена была беременна и плод явно виден, то после родов надо снова передать отцу девочки обручальное

⁵⁴ Комментарий к Шулхан Аруху, написанный рабби Арье Лейбом Геллером (1745 – 1812 гг.) из Галиции.

кольцо, т.е. заново провести церемонию брака, чтобы не было сомнений. Однако, согласно всем мнениям, безусловный статус замужней может быть у девочки только после родов, возможность объявления эмбриона женой или мужем ни Талмуд, ни поским не рассматривают. Таким образом, по отношению к нерожденному ребенку изменение семейного статуса невозможно.

Заключение

Вопросы, поднятые в данной статье, выходят далеко за ее пределы. Многие из них имеют актуальность как для еврейского галахического права, так, возможно, и для различных форм правовой мысли человечества. В наше время, в связи с развитием генно-инженерных технологий, ЭКО, суррогатного материнства, количество вопросов растет с каждым годом, и можно выделить их в целый раздел эмбрионального права, наравне с ювенильным. Нам хотелось показать в этом докладе, что основы, заложенные еврейским правом более 2000 лет назад, не потеряли своей актуальности, но, наоборот, получили новое звучание в наш технологический век (см. Дополнение к данному докладу). Ответ на вопрос, человек ли эмбрион, далеко не однозначен, тем не менее, ясно, что эмбрион – живое существо, жизнь его является основой будущего, заключенного в ней, и мы несем за нее ответственность. Моральные и законодательные нормы галахи отнюдь не дают женщине полной свободы распоряжаться еще не родившимся ребенком как частью своего тела, но при этом традиция не содержит безусловного запрета на аборт во всех случаях. Эмбрион обладает амбивалентным статусом, в чем-то подобным, в чем-то отличным по отношению к статусу ребенка, но ясно одно: он пришел в этот мир и играет в нем определенную роль – главным образом, в отношении других людей. Убийство, уничтожение этой, да и любой жизни из соображений удобства, материальной выгоды или из-за социальных проблем абсолютно невозможно.

*К.и.н., С.А. Репинецкий,
преподаватель «Толдот Ешурун», Иерусалим*

**ИУДЕЙСКАЯ ОБЩИНА Г. КУЙБЫШЕВА ПОСЛЕ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Куйбышев стал одним из очень немногих (по некоторым мнениям — единственным) провинциальных городов, расположенных вне регионов компактного исторического проживания еврейского населения до XX в., в которых ашкеназская синагога никогда не закрывалась и религиозная жизнь евреев никогда не прерывалась. Основная еврейская религиозная община располагалась в старейшей синагоге области по адресу: ул. Чапаевская, 84б, и ее не обошли репрессии. Несмотря на то, что «ее деятельность не прекращалась на всем протяжении со дня Октябрьской революции... всеми делами общества и синагоги фактически до января месяца управлял староста синагоги Фейгин Монта, который в январе 1945 года был арестован органами НКГБ»⁵⁵.

Кроме этого, с 1947 года проводились нелегальные собрания неформальных и в настоящее время отсутствующих групп верующих евреев на Безымянке и в Сызрани. Сызранская синагога, впервые упомянутая в 1916 году, располагается по адресу: ул. Кирова, 10, но она была закрыта в 1922 г., поэтому община собиралась в 1950 – 1953 гг. на частной квартире активистов в доме № 18 на той же улице. Пятого сентября 1959 г. безымянская синагога (Кировского района г. Куйбышева) по адресу: ул. Путиловская, 12, тоже была окончательно закрыта⁵⁶.

В документах за 1952 г. отмечается, что «по статистике в гор. Куйбышеве насчитывается 12-13 тысяч еврейского населения, все они соблюдают религиозные обряды (обрезания), но посещаемость молитвенных собраний в обычные дни от 10–30 чел., по субботам посещаемость увеличивается до 70–80 чел.»⁵⁷ Кроме молитв и обрезаний (они периодически делались приезжавшим из Саратова специалистом – моэлем – Соломоном Боковым, умершим и похороненным в Куйбышеве в 1951 г.⁵⁸), в синагоге совершались религиозные церемонии бракосочетания – документы свидетельствуют о заключении четырех браков: в 1966 г. была проведена церемония для пары из Караганды, а в 1968 г. – для раввина М.З. Опенштейна, старосты С.Я. Заславского и приезжей пожилой пары⁵⁹. Ранее, летом 1945 г., известный раввин Ицхак Зильбер (основатель международной системы религиозных культурно-просветительных организаций для русскоязычного еврейства «Толдот» и русскоязычных ешив «Торат Хаим» под Москвой и «Толдот Йешурун» в Иерусалиме) из Казани был помолвлен в куйбышевской синагоге⁶⁰.

⁵⁵ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 2. Л. 3–4.

⁵⁶ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 32. Л. 76.

⁵⁷ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

⁵⁸ Зильбер И. Чтобы ты остался евреем. Иерусалим: Толдот Йешурун, 2003. С. 135–142.

⁵⁹ ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 5. Л. 34–36, Д. 7. Л. 12, Д. 31. Л. 20.

⁶⁰ Зильбер И. Чтобы ты остался евреем. Иерусалим: Толдот Йешурун, 2003. С. 108–118.

Помимо обрядов, евреев объединяла маца: в 1950-е годы выпекалось от 3,5 до 15,7 (1958 г.) тонны мацы, что «вполне обеспечило всех верующих», хотя к концу 1950-х гг. пришлось перейти от заказа мацы в городских хлебопекарнях к выпечке ее «кустарным способом на квартирах верующих»⁶¹. В дальнейшем выпечка мацы осуществлялась в самой синагоге на оборудовании общины и ее объемы значительно не сокращались, обеспечивая мацой практически все еврейское население города.

Верующие собирались в синагоге на еврейские праздники, особенно в Йом Кипур (это был наиболее посещаемый праздник: в 1952-м, 1953-м и 1961 – 1964 гг. число молящихся, несмотря на рабочий день, превышало тысячу человек – здание не могло вместить такое количество прихожан, поэтому они заполняли двор и прилегающее пространство), а также в Пэсах, Шавуот и Суккот, когда читаются поминальные молитвы по родственникам.

Например, 14 апреля 1955 года, в седьмой день Пэсах, в синагоге собрались «67 мужчин и 30 женщин... После проповеди и обращения была объявлена молитва об умерших родителях, родственниках, погибших на фронтах Второй мировой войны, замученных в застенках фашистских тюрем и истребленных в душегубках. Начался плач верующих, впоследствии превратившийся в сплошное рыдание, особенно на втором этаже, где находились молящиеся женщины»⁶².

Праздники отмечались традиционными застольями. В Суккот во дворе синагоги, как и положено, возводился ритуальный шалаш Сукка. Еще важнее то, что в праздники Рош А-Шана (Голова года, или День трубления), Йом Кипур («Судный день», или более точный перевод – «День искупления»), Суккот (Праздник кущей или шалашей), Симхат Тора (Веселье Торы), Пэсах (Праздник опресонок) и Пятидесятница, или Троица (Шавуот, или Матан Тора – «День дарования Торы») куйбышевские евреи могли почувствовать свою связь с еврейством по всему миру: они пробовали особенную израильскую мацу, пользовались присланными из Израиля ритуальными растениями и наслаждались молитвой в исполнении канторов (ведущих молитв) – профессиональных певцов, получавших от куйбышевской общины солидные гонорары и прибывавших специально для этих целей из Белоруссии (Яков Рувимович Горолик⁶³), Молдавии (Фельдман⁶⁴, Мейер Лейбович Гринберг и З[ося].А. Мошнягер⁶⁵) или Украины (Ханик Демба⁶⁶).

Вот пример празднования Суккот: «В сентябре 1956 г. общество получило из Израиля посылкой пучок веток финиковой пальмы, ветку самшита и ветку ивы, хорошо переплетенные осокой, и 5 штук «эсик»⁶⁷ в виде лимона; вокруг этой посылки развернули такую агитацию, что это святая святых, и каждый верующий брал с трепетом эту святыню и читал

⁶¹ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 123. Д. 12. Л. 65–68.

⁶² СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 121. Д. 12. Л. 67–68.

⁶³ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 128. Д. 17. Л. 62.

⁶⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 123. Д. 12. Л. 42.

⁶⁵ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 123. Д. 40. Л. 45.

⁶⁶ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

⁶⁷ Так произнесено или услышано автором документа, правильно: «этрог», что в ашкеназском варианте произношения на иврите звучит как «эрог» или «эсрейг», означает цитрус.

молитву. <...> привлекает верующих и тот факт, что «кантр» во время молитвенного собрания израильскую святыню эсик и пучок веток все время держит в руках, и это поднимает веру, настроение верующих и укрепляет фанатизм»⁶⁸.

Праздник Суккот в синагоге традиционно отмечался не только обрядами с ритуальными растениями, но и постройкой шалаша для совместных праздничных трапез: «...во дворе синагоги между зданиями синагоги и соседней стеной дома № 82 был собран «шалаш», покрыт соломой и сеном <...> верующие евреи ежедневно проводили завтраки, обеды, ужины с употреблением спиртных напитков, это еще больше способствовало разжиганию религиозного фанатизма среди верующих»⁶⁹. Если в первые послевоенные годы «...в шалашах во дворе молитвенного дома обедали только престарелые евреи, в большинстве своем только мужчины, в 1956 г. во время обеденного перерыва в шалаш приходили рабочие, служащие, вместе со стариками обедали и молодые мужчины и женщины»⁷⁰.

Деятельностью общины руководили несколько пожилых евреев, знавшие и хранившие традиции своего народа и старавшиеся сохранить их в Куйбышеве. Религиозной жизнью общины руководили раввины Израиль Пинхусович Штейнмардер (1878–1959), а с декабря 1960 г. – Мендель Залманович Опенштейн (1890–1975)⁷¹, П.А. Фишман был и.о. раввина Сызрани. Практическое руководство общинными делами (они же были «завхозами» синагоги) осуществляли старосты «шамаша» (синагогальные служки) Овсей Срулевич Вольман, который как завхоз синагоги получал небольшую зарплату⁷², а затем работавшие на общественных началах Соломон Яковлевич (Шломо) Заславский и Исаак Нотович Либерман⁷³. Бюджет общины формировался за счет частных пожертвований: например, в 1952 и 1957 гг. прихожане «собрали пожертвования в сумме 15000 рублей»⁷⁴.

Молитвы обычно вел один из прихожан, составлявших «актив верующих»: Давид Исаакович Локшин, Юда Секушин, Арончик, Банк, Свердлин, Славин и Тощенко. Правление Куйбышевского еврейского религиозного общества составляли Ю.М. Сегущен (он же – Юда Секушин в других документах) и С.А. Генчик⁷⁵, а также другие активисты – Мишквид и Гуревич. В 1960-е годы права общины на собор и расходование пожертвований верующих были ограничены, и ее финансовые возможности резко сузились, что привело к сокращению оклада раввина вдвое, отмене оплаты труда старосты и отказу от услуг бухгалтера⁷⁶. Синагога продолжала нанимать за ежемесячную заработную плату уборщицу, истопника, санитаря

⁶⁸ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 123. Д. 12. Л. 41.

⁶⁹ СОГАСПИ. Ф. 656. 128. Д. 17. Л. 97.

⁷⁰ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 123. Д. 12. Л. 42.

⁷¹ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–15.

⁷² ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

⁷³ ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 7. Л. 12.

⁷⁴ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 123. Д. 40. Л. 1, 40–50.

⁷⁵ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 128. Д. 17. Л. 55.

⁷⁶ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 39. Л. 22.

и кладбищенского сторожа⁷⁷.

Вторая иудейская община г. Куйбышева располагалась в районе станции Безымянка – нового индустриального района, заложенного в преддверии Второй мировой войны: там был построен трудовой лагерь «Безымянлаг», а затем туда же был эвакуирован ряд предприятий из западных оккупированных в ходе Второй мировой войны районов, в результате чего в этом районе сформировалось еврейское население. Однако эта община не имела своей синагоги: «...верующие евреи, проживающие на ст[анции] Безымянка, систематически собираются в частных квартирах у своих единоверцев. На эти собрания приходят по 15-30 человек. Этой группой в 1947 г. было возбуждено ходатайство об открытии синагоги на Безымянке, но из-за неправильного оформления документов оно к рассмотрению не было принято, а вновь возбуждения не последовало»⁷⁸.

К 5 сентября 1959 г. безымянская синагога по адресу: ул. Путиловская, 12, была окончательно закрыта, хотя собрания этой общины проходили на частных квартирах с участием сотни евреев до 1961 г.⁷⁹ Основания для закрытия этой синагоги и сама процедура закрытия, а также причины отклонения заявки на открытие еще одной дополнительной синагоги вдали от центра города подробно описаны в документах:

«Кроме основной зарегистрированной синагоги существовал еще так называемый филиал, «вторая синагога» на улице Путиловской, № 12, в Пролетарском поселке Кировского района. Посещаемость верующими этого филиала не превышала 15–18 человек верующих евреев /согласно поименного списка верующих этого филиала числилось 36 человек/. Здание деревянное, на деревянном фундаменте, под железной кровлей, здание пятистенное, во второй половине проживают 3 семьи, но верующие. На основании поступившего заявления от соседей и других граждан, проживающих в Пролетарском поселке, о закрытии указанного молитвенного дома /филиала синагоги/ проведенным обследованием установлено, что здание не соответствует современным требованиям. На основании акта пожарной охраны, санитарно-эпидемической станции и инженерно-технического персонала филиал синагоги был закрыт, отдельные верующие обратились ко мне с просьбой разрешить открыть филиал синагоги в Советском районе, мною было им разъяснено, что центральная синагога не загружена, здание может вместить до 1000 человек, а количество посещающих синагоги всего 50–100 человек, поэтому нецелесообразно открывать синагогу в другом месте. Граждане города хорошо обеспечены городским транспортом к центральной синагоге: трамвай, троллейбус, автобус и другие виды транспорта»⁸⁰.

Как видно из документа, власти совершенно игнорировали строжайший запрет иудеям на пользование автотранспортом в шаббат,

⁷⁷ ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

⁷⁸ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 10. Л. 20.

⁷⁹ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 32. Л. 76 и Д. 37. Л. 22.

⁸⁰ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 32. Л. 82.

вследствие чего любой человек, неспособный дойти до синагоги пешком, лишался возможности посещения ее в субботу для участия в традиционных и регулярных коллективных молитвах и освящении святого дня. Это было особенно важно для пожилых членов общины, поскольку им трудно идти на дальние расстояния (тем более возвращаться в пятницу затемно после традиционной встречи шаббата).

Подавляющее большинство прихожан синагог составляли именно люди старшего поколения, которые, хоть и приходили на шаббаты и праздники, не участвовали в богослужении (и даже не понимали иврита, на котором произносились молитвы), а вели посторонние разговоры⁸¹ и, видимо, использовали синагогу в качестве своего рода «клуба для пожилых», в котором можно встретиться, пообщаться и провести время со своими сверстниками – «встретить своих знакомых и обменяться новостями», а затем «сидеть кучками и вести праздные разговоры»⁸².

Отдельно следует сказать о сызранской общине: «В 1917 г. здание синагоги национализировали, но молитвенные собрания проводились до 1928 г. В 1929 г. верующие добровольно передали здание синагоги Сызранскому горкомхозу, после чего и прекратили посещение синагоги. В 1947 г. была вновь организована группа верующих евреев, которые явочным порядком собираются небольшими группами на квартирах верующих. Одна группа верующих собиралась на ул. Кирова, в доме № 18 во дворе, в квартире верующего Ширмана Матвея Семеновича 1878 года рождения (Ширман резник), в большинстве своем сызранские верующие евреи обращаются к Ширману...

В группе верующих насчитывается не более 35 человек, которые возбуждали ходатайство об открытии молитвенного дома за неимением помещения, отвечающего современным требованиям. Сызранский городской Совет отклонил просьбу верующих евреев. В данный момент группа верующих собирается небольшими группами, от 15 до 18 человек, по субботам на квартирах верующих. Должность кантора верующие исполняют по очереди, кто хорошо знает древний язык. В годовые религиозные праздники верующие евреи собираются до 40–45 человек в закрытом помещении»⁸³.

Несмотря на то, что, как признавали сами советские чиновники, финансовое состояние общины постепенно ухудшалось и в 1961 г., например, была «уменьшена зарплата раввину со 120 до 100 руб., то же сделано в отношении коменданта Вольмана, которому зарплата сокращена с 50 до 30 руб., ликвидирована платная должность бухгалтера» и т.д., органы власти принуждали общину к отчуждению денежных средств «в фонд защиты мира. На эту цель уже внесено 500 руб.» Такие отчисления в фонд мира делались в 1955, 1961 и 1962 гг.⁸⁴

⁸¹ ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 5. Л. 34–36, Д. 7. Л. 12, Д. 31. Л. 20, Д. 33. Л. 14.

⁸² ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 36. Л. 68 и Д. 39. Л. 34.

⁸³ СОГАСПИ. Ф. 656. Оп. 108. Д. 40. Л. 40–50.

⁸⁴ ЦГАСО. Ф. Р4089. Оп. 1. Д. 36. Л. 69.

Таким образом, советская власть последовательно стремилась ослабить еврейскую общину, в том числе ограничением возможностей приобретения финансовых средств, встроить ее в существующую общественную систему, и в конце концов эти усилия достигли эффекта: община значительно обеднела и даже перестала содержать собственного раввина (после смерти раввина М.З. Опенштейна в 1975 г. нового раввина не нанимали) и фактически превратилась в клуб для престарелых евреев.

Активность общины в 1960-70-е годы пошла на спад и к 1981-1982 гг. положение в синагоге пришло к следующей ситуации: «Однако не во всех религиозных объединениях, находящихся в городах, проявляется активность. Например, в старообрядческой церкви, молоканской общине и в иудейской синагоге длительное время не наблюдается роста верующих. Они стареют, количество прихожан уменьшается. Основные причины такого положения состоят в том, что здесь служители культа с низким уровнем духовного образования и общей культуры. Абсолютное большинство прихожан – это лица преклонного возраста, малограмотные, давно порвавшие с общественно полезным трудом. Кроме того, более пяти лет в синагоге нет раввина и кантора, службой руководят на «общественных началах»⁸⁵.

«В иудейской синагоге длительное время отсутствует служитель культа. Однако руководство общины и верующие не возбуждают ходатайства о назначении в их общину духовного лица. Но, несмотря на это, доходы в последние годы растут. Рост этот идет за счет выпечки мацы, которая используется, как нам известно, не всегда по назначению, а как полуфабрикат для различных кондитерских изделий»⁸⁶.

Таким образом, в 1950-е годы в Куйбышевской области активно действовали 3 иудейские общины: центральная, официально зарегистрированная в г. Куйбышеве в дома 82а (ныне 84б) на ул. Чапаевской в синагоге 1880 г. постройки, и 2 нелегальные (в г. Куйбышеве в районе станции Безымянка в доме № 12 на ул. Путиловской в 1945 – 1959 гг. и в г. Сызрани в доме № 18а на ул. Кирова в 1950 – 1953 гг.), которые обе были закрыты к концу этого периода. Есть отрывочные сведения о наличии общины в г. Чапаевске — пригороде Куйбышева, ныне Самары⁸⁷. В то же время существовало, по крайней мере, 2 здания синагог в г. Куйбышеве и 1 в г. Сызрани, которые были закрыты и не функционировали – к этому списку закрытых синагог к концу 1950-х гг. прибавились сызранская и безымянская.

В 1960-1980-е гг. единственная продолжавшая функционировать куйбышевская синагога постепенно теряла прихожан, а государственная политика приводила к материальному ослаблению общины. При этом актив верующих продолжал делать все возможное для функционирования синагоги и общины: проводил молитвы и праздники и обеспечивал евреев города мацой, что и стало основным источником дохода.

⁸⁵ ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 33. Л. 14.

⁸⁶ ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 35. Л. 13.

⁸⁷ ЦГАСО. Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 36. Л. 67.

Библиография

1. Зильбер И. Чтобы ты остался евреем. Иерусалим: Толдот Йешурун, 2003.
2. Фонды уполномоченного по делам религий. Центральный Государственный архив Самарской области. Ф. Р3219, Р4089.
3. Фонд уполномоченного по делам религий. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 656.

ГРУСТНАЯ ИСТОРИЯ О ЛЮБВИ, КОТОРУЮ ДАЖЕ СМЕРТЬ РАЗЛУЧИТЬ НЕ МОЖЕТ

После репатриации мало-помалу жизнь налаживалась, и спустя четыре года нашей семье удалось, конечно с помощью банка, купить скромную трехкомнатную квартирку в городе Рамла. Это, конечно, не Рио-Де-Жанейро, куда стремился Остап Бендер, но город в центре Израиля. Район, в котором мы купили квартиру, населяли в основном «русские», а точнее, русскоговорящие евреи, в большинстве своем евреи, хотя и не только. У меня там появились новые друзья, среди них и семья, о которой пойдет речь. Это была семья Янчук, Арон и Маргарита. До репатриации в Израиль они жили на Волге, в городе Самаре – и вот об этих самарцах я и хочу рассказать вам, дорогие мои читатели.

С Ароном я познакомился на почве шахмат, где был скромным любителем, по окончании школы с трудом выполнившим норму первого разряда, тогда как Арон был сильный кандидат в мастера, чуть-чуть не дотянувший до мастерской нормы. В Израиле Арон так же, как и на своей «доисторической» родине, активно участвовал в шахматных соревнованиях. Играл даже в лиге «Арцит», это 1-я израильская лига (высшая лига называется «Леумит»), причем играл успешно, так же, как когда-то в Самаре за спортивный клуб железнодорожников «Локомотив». С возрастом он перешел в лигу «Алеф», это вторая лига, но когда мы с ним познакомились и стали друзьями, уже перестал участвовать в турнирах – поскольку слишком сильно переживал за свои партии, не мог успокоиться, анализировал и перебирал варианты до бесконечности, даже ночью, когда его вдруг озаряло, где он мог сыграть сильнее. В общем, нервы стали подводить до такой степени, что он во время игры принимал валокордин, а это могло уже сильно отразиться на его здоровье. Однако от шахмат он не отказался и приобщил меня к ним настолько, что я собрал команду пенсионеров, в которой был самым молодым, а потому и возглавил ее в качестве капитана.

Начали мы с низшей лиги «Гимел», что означает «Почка» или «Бутон» (последнее мне нравится больше, хотя какие уж мы бутоны, в нашем-то возрасте). Арон с энтузиазмом помогал «Бутону», и хотя расцвести, как более молодые, мы не смогли, но многих обыгрывали, а норматив для выхода в следующую лигу «Бет» выполнили с первого раза, после чего не один год успешно там играли.

Впрочем, не о себе я хотел написать, и тем более, не о шахматных успехах, а о своих друзьях Ароне и Рите. Мы часто встречались, обсуждали семейные, политические и спортивные новости. Бывало, и за столом засиживались – Рита вкусно готовила, и по «сто пятьдесят» могли пропустить спокойно. Я в то время еще работал, помногу работал, поскольку был гораздо моложе и здоровее, чем сейчас. Развозил людей на микроавтобусе, а друзья мои были уже на пенсии. Рита, интеллигентная

женщина, в Самаре была музыкальным работником. Арон работал машинистом электропоезда на Куйбышевской железной дороге. Познакомились они в 1963 году, когда Арон вернулся из армии, хотя возвращаться ему в общем-то было некуда – его старший брат Лева женился и привел жену домой, а беднягу Арона выписали из квартиры, потому что разместиться ему там было негде. Помните, как пел Высоцкий: «Система коридорная, на тридцать восемь комнаток всего одна уборная...»

Так что вернулся Арон Михайлович из армии в выходном кителе, с медалями, но бездомный. Тогда его с Маргаритой и познакомили. Пришел он в ее семью, да там и остался, нашел свое счастье. В Международный женский день 8 Марта 1963 года, как раз в Ритин день рождения, сыграли они свадьбу. Так судьба распорядилась: вроде бы неромантично, как будто обстоятельства вынудили, а получилось, что на всю жизнь, и любовь между ними произошла такая, что другим семьям, поженившимся после долгих и романтических свиданий, только в счастливом сне присниться могло.

...Пишу про своих друзей и думаю: как же судьбы у разных людей, причем совершенно незнакомых друг с другом, иногда могут быть похожи. В особенности людей военного и послевоенного времени.

Вот и у моих родителей, давно ушедших в лучший мир, судьба была почти такой же. Отец, потерявший на фронте ногу, оказался в Москве. Был он родом из Белоруссии, где во время войны всю его семью, так же, как и многих других евреев, проживавших в городе Костюковичи Могилевской области, зверски убили фашисты, живьем закопали в землю. Так что отцу, после того, как его комиссовали из армии, на родину было возвращаться некуда и не к кому. В Москве его познакомили с мамой, которая жила в Марьиной Роще вместе с родителями в одной комнатке, вместе с соседями – которых, к счастью, было не много, всего две семьи. Я до сих пор их помню: две русские семьи, в одной тетя Лена, в другой тетя Шура. Жили мы дружно, места на всех хватало – и в общей маленькой кухоньке, и в коридорчике, и перед туалетом скандалов не закатывали. Терпеливо ждали своей очереди: по тем временам три комнаты с тремя семьями были все равно, что сегодня четырехкомнатная квартира со всеми удобствами на одну семью!

Итак, отца познакомили с мамой, он пришел к ней и остался, без всякой романтики, просто остался – на 56 лет, пока смерть не разлучила их. Впрочем, и смерть их тоже не разлучила, потому что мама, после того, как папа умер, практически уже и не жила. Места себе не находила нигде – ни дома, ни у нас, ни у моего брата. И ждала только одного: годовщины смерти отца, а после того, как дождалась, спокойно легла спать и умерла. Без видимых на то причин, легла спать и умерла. В ту же ночь, после годовщины, отец ее забрал к себе, забрал в лучший мир, где они опять вместе.

Но не о себе я пишу и не о своих родителях, а о близких и дорогих моему сердцу друзьях, Ароне и Рите. Когда мы познакомились, как-то сразу привязались друг к другу. Стали близкими друзьями, не разлей вода. Дня не могли прожить без общения друг с другом. Я тогда был еще мужчина хоть куда, горы мог свернуть... ну почти. Да и Арон с Ритой были в полном

порядке... ну, тоже почти в полном. Так что, казалось, век будем дружить, и ничего с нами не случится! События мы не форсировали, друг другу о своей «доисторической» жизни мало что рассказывали, мол, вся жизнь у нас еще впереди, не горит... Хотя это только нам так казалось, поскольку годы незаметно начинали брать свое. И у Арона с Ритой, особенно у Риты. Да и я перенес не одну операцию, среди них были тяжелые и очень тяжелая: когда опухоль в голове удалили, слава Богу, что живой остался. Работать уже не мог, пришлось на досрочную пенсию по инвалидности уйти. К тому времени и Арон добрым молодцем тоже не выглядел, и Рита стала часто хворать. Так получилось, что кое-что, заслуживающее вашего внимания, мои дорогие читатели, я узнал тогда и вам сейчас расскажу. Начну с Риты.

Маргарита Михайловна, пришедшая ниоткуда

Оказывается, Риту родители удочерили в 1945 году. Как это произошло, мне, к сожалению, неизвестно. Да и сама она о своих биологических родителях долгое время не знала. Только в зрелом возрасте, когда ее приемная мать заболела, Рите попала на глаза ее больничная карта, где упоминалось, что мама не может иметь детей... Тем не менее Рита как бы родилась 8 марта 1943 года, ее отцом по документам был известный в Самаре портной, модельер одежды. Дочка Риты и Арона Светлана, которая сейчас со своей семьей проживает в Канаде, рассказывала мне, что помнит: когда была маленькой, у нее и у всей семьи всегда был солидный гардероб. Папу Риты звали Михаил Исаевич, мама, Ольга Моисеевна, была домохозяйкой. Опять же со слов Светланы, родители Риты были очень красивой семейной парой.

Арон Михайлович – скромный парень из интеллигентной семьи

Янчук Арон Михайлович родился 6 октября 1938 года в бедной интеллигентной семье, где особого внимания заслуживает дедушка – Йехуда-Лейб Палтерович. В 1926 году он получил приглашение в Самару на должность раввина, куда и переехал с женой Анной Моисеевной, дочерью известного раввина Моше Бецалеля Лурье, а также со всеми своими шестью детьми, старшей из которых была мама Арона, Блюма Лейбовна.

Йехуда-Лейб Палтерович предпочел карьере в Питере нелегкую участь поднятия еврейской общины в самарской глубинке. Жизнь евреев в те годы была не из легких. В 1928 году закрыли Большую хоральную синагогу в Самаре – сначала отдали ее под Дом культуры, а потом передали хлебозаводу. Потеря синагоги подорвала здоровье раввина, он безуспешно боролся за нее, до конца жизни руководил еврейской общиной, несмотря на потерю здания. Но в 1934 году, после болезни, в возрасте 56 лет умер, оставшись последним раввином Хоральной синагоги в Самаре.

После смерти мужа бабушка Анна Моисеевна вернулась в Питер с пятерыми детьми, но мама на тот момент уже вышла замуж за отца Арона, поэтому она осталась в Самаре со своей молодой семьей. Таким образом, семья Янчук пустила корни в Самаре. Мать Арона, Блюма Лейбовна,

заведовала детским домом, его отец, Михаил Аронович, был фармацевтом и играл на скрипке. А «22 июня, ровно в четыре часа, Киев бомбили, и нам объявили, что началась война» – Михаил Аронович Янчук, папа Арона, ушел на фронт в звании лейтенанта и пропал без вести в октябре 1941 года.

Пишу сейчас про отца моего друга Арона и опять убеждаюсь в сходстве судеб людей военного и послевоенного времени. Мой дядя Лева, один из двух братьев мамы, был молодой, красивый, горячий парень. Ушел на войну – по рассказам матери и дяди, был танкистом, и тоже пропал без вести в первые же месяцы войны. У дяди хранится ветхое письмо бабушки, их мамы, где она пишет Лева на фронт о том, как волнуется за него, потому что давно нет от него вестей. Но, к сожалению, писем от сына бабушка так и не получила, потому что он уже считался пропавшим без вести. Кстати, меня родители назвали Левой в честь моего погибшего дяди...

Итак, папа моего друга пропал без вести, поэтому Блюма Лейбовна одна растила Арона и его брата Леву, который был на четыре года старше. Кстати, Лева сегодня, слава Богу, жив и со своей семьей проживает в США. Но вернемся к Арону. Он с детства увлекался шахматами, которые ему помогали и в армии, где он успешно играл в армейской шахматной команде. А после того, как Арон демобилизовался и женился на Рите, он освоил профессию машиниста и работал на Куйбышевской железной дороге – водил пассажирские поезда дальнего следования, а также играл за «Локомотив».

В общем, жили себе и работали Рита и Арон в любви и согласии в Самаре до 1998 года, когда репатриировались в Израиль. Я к тому времени вместе со своей семьей жил в Израиле уже 7 лет. И вот судьба меня с ними свела, мы стали близкими друзьями. И все у нас было хорошо и замечательно, пока мои друзья не начали хворать: Арон был еще почти в порядке, а вот Рита тяжело заболела. Она уже не могла работать по уходу за престарелыми людьми, поскольку ей самой понадобилась помощь по уходу за ней самой.

Настали тяжелые времена

Арон был человек очень хороший, отзывчивый и замечательный во всех отношениях, но он не мог взять бытовые проблемы на себя. Все у них висело на Рите: и магазин, и финансы, и медицинские вопросы. Дело было и в языковом барьере: Рита могла изъясняться на иврите, а Арончик – совсем нет. Плюс уборка, готовка, стирка и так далее. И главное – уход за Ритой. Нельзя сказать, что она стала совсем недееспособной. Как очень волевая и мужественная женщина, Рита, когда ей становилось чуть полегче, находила силы привести квартиру в порядок, дать указания Арону, что купить из продуктов, могла даже приготовить обед. А если знала, что я приду навестить их, готовила мою любимую чечевичную кашу – так вкусно, как умела только она. И не только для меня, но и для моей тещи, которая находилась в доме престарелых. Арон, как мог, помогал ей, даже что-то готовил под ее руководством. Она ему говорила: «Ароша, возьми то-то и то-то, сделай так-то и так-то», и Арончик, молодчина, справлялся. Кстати,

Арошей его называла только она – ни у меня, ни у кого-то другого язык не поворачивался так называть Арона Михайловича. Это имя было как бы запатентовано Ритой.

Арончик к тому времени был уже какой-то потерянный и не очень ориентировался в городе, мог и заблудиться в местах, где до этого не раз бывал. Дети мало чем могли помочь: сын Миша живет в Иерусалиме, он человек деловой, можно сказать, бизнесмен, со своими традициями и понятиями, постоянно в командировках. Дочь Света живет с семьей в Канаде, от родителей еще дальше. Так что оставалось одно: нанять человека по уходу за престарелыми. Я предлагал им взять из-за границы женщину на 24 часа в сутки, то есть с проживанием. Кстати, так многие пожилые люди делают, если им позволяет финансовое положение. Тем более, если дети могут помочь, но у Арона с Ритой на этот счет, к сожалению, оказалось другое мнение, и они сделали свой выбор.

Пришла беда – отворяй ворота

То, что они выбрали именно их, неудивительно: это была семья, проживающая в том же доме. Его зовут Меир, он ответственный по дому, по профессии полицейский. Вместе с женой они часто навещали Арона и Риту, помогали в разных делах и, таким образом, вошли в доверие. Когда мои друзья, простые и наивные люди, сами предложили им оформиться по уходу за Ритой, те с готовностью согласились. Меир оформил на работу по уходу за Ритой жену, и она вместе с Меиром стали у них в квартире полноправными хозяевами. Состояние здоровья Риты ухудшалось, она уже почти не могла обойтись без кислородного баллона, задыхалась, помногу спала. Дочь Светлана предлагала родителям переехать к ней в Канаду, но они даже думать об этом не хотели. И вскоре пришла к ним еще одна большая беда. Старики обнаружили, что с банковского счета у них пропала крупная сумма денег. Они очень тяжело переживали такую потерю – как мне рассказала Рита, деньги снимали три раза. Я был в шоке! Ну кто бы это мог сделать? И как вообще такое возможно?!

Случилось самое страшное

Между тем Рите становилось все хуже и хуже. В один особенно тяжелый день она сказала Арончику, что ей совсем невмоготу, и Меир вызвал скорую помощь... Арон сидел впереди вместе с водителем, сидел ни живый, ни мертвый, а бедная Рита лежала сзади, в салоне машины, и тихим, затухающим голосом шептала: «Ароша, Ароша, подойди ко мне...» Арон слышал Риту, очень хотел подойти к ней, но его как будто парализовало, а как законопослушный гражданин он не мог обратиться к водителю и попросить остановить машину, разрешить ему срочно подойти к Рите – и вскоре бедный мой друг перестал слышать свою любимую, ненаглядную Риточку. Она была мертва, и машина отвезла ее прямо в морг. Сейчас, когда я вспоминаю этот жуткий момент, о котором мне по телефону каким-то отсутствующим голосом рассказывал мой друг, я рыдаю, как тогда, когда

услышал эту страшную новость впервые. Арончик мне спокойно сказал тогда: «Не надо, Лева, не надо плакать», и я зарыдал еще сильнее прежнего, остро ощутив невосполнимую потерю нашей Ритули и полную опустошенность моего бедного друга. Всеми фибрами души я остро и ясно ощутил, что уже никто теперь не назовет моего друга Арошей... И как он с этим будет жить, я себе не представлял.

Маргарита Михайловна ушла в никуда

26 февраля 2018 года Рита ушла от нас «никуда» – так же как 8 марта 1943 года пришла «ниоткуда». До 75 лет и до 55-й годовщины свадьбы не дожила всего 10 дней. У евреев людей хоронят очень быстро – говорят, чем быстрее похоронят, тем лучше будет душе умершего человека. Риту тоже похоронили быстро, но дочь Светлану все-таки дождалась. Она срочно прилетела из Канады. Как тяжело проходили похороны, вы можете представить сами. Когда Риту опускали в могилу на вечный покой, мы стояли, как в шоке, а бедного моего друга словно парализовало, он смотрел на эту страшную процедуру в полном оцепенении, и, по-моему, из этого состояния так и не вышел до конца своих дней.

С Мишей, сыном Арона и Риты, отношения у меня как-то не сложились. Вроде бы все нормально, чисто внешне, но и только. А вот со Светой отношения очень теплые, доверительные. Мы с ней в постоянном контакте до сих пор. После похорон нашли возможность обсудить сложившуюся тяжелую ситуацию – она мне рассказала, как уговаривала отца переехать в Канаду хотя бы на время. Предлагала поехать вместе с отцом и мне, чтобы ему было легче в дороге. Я был согласен, но Арон противился категорически. Я его, конечно, понимал: разве мог он уехать так далеко от места, где похоронена его Рита, тем более, он знал, что для него место там же, рядом с Ритой, уже куплено. Также я рекомендовал Свете оформить женщину из-за границы по уходу за отцом, она была согласна со мной и уговаривала на это своего отца, но он и в этом был против. Так что за ним по-прежнему ухаживали Меир с женой.

Детектив с относительно благополучной развязкой

После похорон Арон резко сдал. Стал еще хуже ориентироваться в городе, однажды заблудился совсем близко от дома. Хорошо, что смог позвонить Меиру по мобильному телефону. Номера телефонов он уже не запоминал, но мог вызвать его со своего телефона одной кнопкой. Меир его нашел и привел домой. Так же, как в свое время было у моей мамы, Арон оставался безучастным к событиям, которые его раньше очень интересовали. Перестал заходить в Интернет, чтобы узнать новости, даже шахматные. А когда я ему рассказывал о том, как проходят, например, турниры претендентов, кто имеет шансы на то, чтобы бросить перчатку нынешнему чемпиону мира Карлсену, Арон меня внимательно выслушивал, а потом безучастно отвечал: «Спасибо за информацию». Лишь однажды сообщил о

том, что нашли преступника, вернее преступницу, которая украла у них со счета деньги. И что случилось это благодаря Меиру.

Дело в том, что после того, как проверили весь персонал банка на причастность к пропаже этих денег и не выявили преступника, дело в полиции решили закрыть. Но Меир, по его словам, дошел до генерала и настоял на том, чтобы дело не закрывали и продолжали его расследовать. Генерал согласился, расследование было продолжено. Полиция стала копать глубже и проверять сотрудников, которые работали в банке еще тогда, когда пропали деньги, а после уволились по тем или иным причинам. И вот одну сотрудницу, которая находилась в декретном отпуске, проверили на детекторе лжи, и обнаружилось, что это сделала именно она. Причем установили, что она залезла еще в один счет, откуда тоже пропали деньги. Выяснилось, что ее муж или сожитель залез в большие долги, и она ради него совершила эти преступления... Так что деньги на счет уже начали возвращать. Такую же информацию я вскоре получил от Светланы. Тем не менее эта благополучная развязка нашего «деревенского детектива» и возврат пропавших денег практически никаких положительных эмоций Арончику, к сожалению, не принесли.

«Пролетая над гнездом кукушки»

Последующие дни проходили без особых изменений. Арон находился в угнетенном состоянии. Вплоть до 6 мая, когда наступил кризис. Меир, надо отдать ему должное, это почувствовал и вызвал скорую, но в больнице сказали, что серьезных проблем нет, просто стресс из-за смерти жены. Дали успокоительные лекарства и отпустили домой.

Вечером к Арону зашел в гости некто Рува. Это общий знакомый по нашей «деревне», удивительный человек. Хотя про него практически никто ничего не знает, он должен знать о людях, даже если не имеет к ним никакого отношения, абсолютно все! У Рувы есть чутье заходить к людям, когда у них серьезные проблемы, – прямо экстрасенс какой-то. И на этот раз чутье его не подвело: Рува пришел к Арону, Арон открыл дверь, дома темнота и полная тишина. Телевизор выключен тоже. Рува включил свет и спросил у Арона, почему он не смотрит телевизор, потом сам включил телевизор и сел как бы смотреть передачу. Но Арон вдруг сказал, что вызвал машину и ждет, когда она придет. Тогда Рува спросил: может быть, Арон хочет, чтобы он ушел? И Арон сказал: да, он хочет, чтобы Рува ушел, потому что ждет машину. Рува в недоумении ушел, но при этом догадался позвонить мне, так как знал, что мы близкие друзья. После того, как Рува рассказал мне эту историю, я забеспокоился – о какой такой машине говорил мой друг, и вообще, что за странное поведение. Я позвонил Арону, он взял трубку, и я спросил, как у него дела. Арон ответил, что хуже не может быть. А на мой недоумевающий вопрос сказал, что его все время зовут голоса... Я попытался его успокоить и срочно позвонил его дочке в Канаду, рассказал обо всем ей. Она была в курсе дела, потому что разговаривала с папой, и он ей говорил то же самое.

Было уже поздно, и я решил завтра утром отложить все свои дела и поехать к Арону, попытаться как-то успокоить его. На следующее утро, то есть 7 мая, когда я уже собирался ехать к Арону, мне опять позвонил Рува и спросил, причем так спокойно, как будто ничего особенного не произошло: «Лева, ты в курсе, что Арончик сегодня ночью выбросился из окна и разбился насмерть?»

Шок! На какое-то время я онемел и молча положил трубку. Мои самые горькие предположения сбылись. В голове моментальным вихрем пронесся вчерашний разговор с Ароном, ведь еще вчера я догадался, что его все время зовут не голоса, а только один голос, Ритин голос. Теперь я понял окончательно, что Рита его звала там, в карете скорой помощи, и Арон тогда не посмел попросить остановить машину, чтобы подойти к ней, и теперь его тоже звала к себе Рита. Я отчетливо представил, как Рита зовет его: «Ароша, Ароша, иди ко мне, ты не можешь без меня. Я жду тебя, мы должны быть вместе...» И Арон решился, хотя, казалось, осуществить задуманное было невозможно. Ведь на всех окнах решетки – на всех, кроме одного маленького окошка в ванной комнате... Когда я после этой жуткой трагедии оказался у него в квартире, стул, который Арон поставил к этому окошку, еще не убрали. Но даже со стула Арончик мог улететь к своей Рите, только нырнув в это окошко рыбкой, – и то, несмотря на маленький рост, сделать это было невероятно трудно. Но Арон все-таки сделал это, пролетев мимо окон кукушки, то бишь Меира, он улетел к своей Рите, с которой прожил без малого 55 лет на этом свете и теперь уже никогда не расстанется со своей любимой в лучшем мире...

Прощай, мой бедный друг! Похороны прошли, как в страшном сне. Никогда не забуду эту сюрреалистическую картину, когда вскрыли верхнюю плиту памятника, под которой лежала Рита, – там было оставлено место для Арона, и его положили туда, к его любимой Рите. Арон Михайлович Янчук родился 06.10.1938 г., умер 07.05.2018 г., ровно через 70 дней после Риты. Так что их горячую любовь даже смерть не смогла разлучить.

Спите спокойно, мои родные, и пусть земля вам будет пухом! Аминь!
Ваш близкий друг Лева Генин.

ПАРТИТУРА БОЛИ И УТРАТ

Пятикнижие Моисеево

Книга Брейшит

Глава Ваера

21. /3/ *И назвал Авраам сына своего, родившегося у него, которого родила ему Сара, именем Ицхак.*

/4/ И обрезал Авраам Ицхака, сына своего, на восьмой день, как повелел ему Всесильный.

/5/ А Аврааму было сто лет, когда родился у него Ицхак, сын его.

Эпиграф

27 нисана установлен День Катастрофы и героизма. В Израиле, в еврейских общинах диаспоры зажигают поминальные свечи в память о шести миллионах евреев, погибших в Европе в годы войны – замученных в концлагерях, уничтоженных фашистами с особой, маниакальной жестокостью как окончательное решение еврейского вопроса, как это хотели осуществить нацисты во время Второй мировой войны.

В Израиле в этот день звучит двухминутная сирена, и вся страна замирает в скорбном молчании, отдавая долг памяти и сочувствия тем, кто погиб в результате фашистской политики по уничтожению евреев.

Вряд ли можно найти семью, где не было бы родственников, пострадавших в годы той войны.

У меня этот день связан с еще одним горьким событием – днем смерти бабушки, Зейда Срул Эле, благословенна его память, который ушел из жизни уже после войны. Он с женой и детьми – тремя сыновьями и дочерью – до конца тридцатых годов благополучно проживали в местечке на Украине. А потом в одночасье снялись с места, и из обжитого дома с большим хозяйством перебрались в Москву. Подальше от приближающейся войны, которая была уже у границ Польши, рядом с которой на советской территории располагалось их благословенное местечко.

Трое сыновей бабушки погибли, и осталась у него дочь, моя дорогая мама Хая. Так что война коснулась и их, живших все четыре военных года в Москве, жестоко и горько. Потому 27 нисана, выпавшее в этом году на 12 апреля, – снова и снова возвращение к тому, что пережила семья моей матери из местечка, жителей которого убивали безжалостно и планомерно.

Книга и инсценировка ее режиссером

Спектакль «Ничья длится мгновение», который идет в РАМТе (Российском молодежном академическом театре), мне довелось посмотреть 9 апреля. Через день после окончания недели праздника Песах и за несколько дней до зажигания поминальных свечей Дня Катастрофы и героизма, что

произошло вроде бы случайно, но оказалось символичным и значимым для меня. Он поставлен режиссером Миндаугасом Карбаускисом (премьера 9 февраля 2010 года) по роману Ицхокаса Мераса «Вечный шах» («Ничья длится мгновение»). Давно хотелось его посмотреть, но в афише он оказывался то в пятницу, то в субботу, то в праздники, так что раньше все никак не получалось, о чем я искренно сожалею. Потому еще, что перед нами постановка такого уровня, такой силы и убедительности, что ее надо время от времени пересматривать, чтобы опять и опять переживать те чувства, которые вызывает искренняя игра артистов, поистине театральная форма, которую мастерски, с совершенной виртуозностью использовал Миндаугас Карбаускис, работая над этим спектаклем. (Режиссер в данном случае выступил и как автор инсценировки. И она кажется настолько аутентичной, что только так, а не иначе мог написать пьесу по своему роману Ицхокас Мерас, если бы был драматургом. И так, а не иначе, поставил бы ее на сцене театра, если бы был режиссером.)

И поэтому более чем странно было прочитать во влиятельной и авторитетной газете рецензию на спектакль «Ничья длится мгновение», написанную известной столичной критикессой Диной Годер. Не приведу основной упрек в виде цитаты, поскольку давно была та самая публикация, но основной посыл был такой: постановка вызывает у зрителей слезы, и это не совсем правильно, по мнению рецензента. Кажется, что именно подобной претензии к спектаклю «Ничья длится мгновение» быть не могло по определению. (Да, в зрительном зале во время действия женщина, сидевшая за мной в другом ряду, время от времени всхлипывала, сочувствуя тому, что происходило на сцене, рядом со зрителями. В то время как в начале спектакля раздался смешок, когда певица Ина Липман произнесла название классической оперы известного французского композитора девятнадцатого века Галеви «Жидовка», которую узники гетто собирались репетировать по ночам. А в основном зрители внимательно, затаив дыхание, следили за всем происходящим. Учитывая, что спектакль идет уже девятый год, что он требует постоянной сосредоточенности, что тема его далека от развлекательности, что в нем нет иллюстративности, а действие, как и монологи героев его, экономны до невероятной выразительности, это настоящий успех.)

На той же неделе, что я посмотрел версию книги Мераса в РАМТе, актер МХТ имени Чехова Константин Хабенский показал депутатам Государственной думы РФ свой режиссерский дебют – фильм «Собибор», где речь идет о спасении советским офицером евреев из фашистского концлагеря. Фильм снят правильно – нужные ракурсы плача со стоящими рядами заключенных, соответствующий грим, как и многое другое, о чем можно судить по новостному ролику о фильме «Собибор». Но думаю, что в нем нет главного – ощущения трагедии. Во всяком случае, в такой интерпретации ее, как удалось показать Миндаугасу Карбаускису в спектакле о гетто. При том, что режиссер здесь использовал театральные средства выразительности настолько просто и внятно, что они достигают подлинного

эффекта. Пусть не соприсутствия из-за давности лет, но сочувствия и соучастия. (Это на другой день, о чем свидетельствую по собственному впечатлению, когда мысленно проходишь сцену за сцену то, что есть постановка «Ничья длится мгновение», накрывает волна сопричастности, ком подступает к горлу и собираются в уголках глаз слезы горечи и отклика на беду несчастных, безвинно страдавших и погибших людей.) Но разве не есть в катарсисе, в отклике на увиденное в театре и предназначение искусства, театра в первую очередь? Почему же надо стесняться настоящего проявления чувств, стыдиться того, что история, которую сыграли артисты РАМТа в режиссуре Миндаугаса Карбаускиса, трогает душу и сердце? Разве в этом недостаток такой прекрасной работы всех, кто участвовал в создании названной постановки, а не достоинство ее, не повод для уважения, признания и признательности?

Режиссер сознательно и последовательно ушел тут от иллюстративности. Его интересовал, что очевидно, не просто сюжет, рассказ о том, как у еврея-портного Авраама Липмана погибли дочери и сын, а то, что даже значительнее потери близких – выбор остаться человеком в совершенно немислимых для достойной жизни условиях. (Мы можем, например, вспомнить известного австрийского психолога Виктора Франкла, который перед войной защитил диссертацию, главный тезис которой состоял в том, что человеческую жизнь определяет мотивация: именно ее наличие помогает индивидууму справиться с обстоятельствами, преодолеть препятствия. Поразительно, но собственной биографией знаменитому доктору удалось доказать правильность своих научных тезисов, когда он смог пережить в ряду других заключение в лагерь смерти и после войны продолжать свои ученые изыскания, пропагандируя их в мире с полным на это правом.)

Миндаугас Карбаускис настолько серьезно прочитал и прожил каждую страницу книги Ицхокаса Мераса, что, хотя в его инсценировке есть заведомые сокращения, пьеса совершенно точно и подробно, в меру требуемого по мысли режиссера, передает содержание романа. (Естественно, роман почти в две сотни страниц сложно вместить в пьесу, которая в сценическом варианте идет без перерыва около двух часов. Конечно, пришлось при переводе его на язык театра пойти на заведомые и оправданные сокращения: практически упрощен образ поляка Янека, который дружил с евреем, оказавшимся в гетто, – Янек в память о погибшем товарище выдал себя за еврея, стал также узником гетто, чуть не погиб, но был спасен, когда группу обитателей гетто везли в машине на расстрел; только упомянуты дочери Авраама Липмана – Бася и Рива: одна была в отношениях с фельдфебелем Гансом, который обещал ее спасти, а Рива вместе с литовцем устроила засаду и отстреливалась от фашистов, окруживших дом, в котором они месяц прожили с литовцем, ее соратником, брат которого, полицай, был незадолго до того убит в гетто. Несомненно, в инсценировке, вдумчиво и почтительно к первоисточнику выполненной Миндаугасом Карбаускисом, есть и другие купюры. При том, что сохранено

главное – речь в спектакле «Ничья длится мгновение» ведь о достоинстве человека. И вполне естественно, что по сути своей постановка получилась концептуальной и экзистенциальной. Собственно говоря, как практически любое произведение литературы и искусства в той или иной мере. Другое дело, что здесь концептуальное и экзистенциальное заложено в самой прозе Ицхокаса Мераса, написавшего роман в несколько модернистском ключе, когда реалистичное сочетается с лаконичной конкретикой, представляющей каждого героя такой прозы в момент кульминации его характера, проявления на грани трагедии, буквально жизни и смерти его убеждений, верности традициям отцов, преданности идеалам своего народа. Отсюда такое поразительное сосуществование минималистичной выразительности постановки и обобщения, концентрации ее содержания почти до пафоса, здесь допустимого и наиболее приемлемого без котурнов, демонстративных эмоций и нарочитого мелодраматизма. Потому нет, да и не могло быть в инсценировке Карбаускаса никакой литературности, даже литературности, слащавости и иллюстративности. Его переложение текста литовского писателя оказалось созвучным и букве, и духу его, тем, что и должно быть на самом деле, когда литературное произведение становится произведением театральным, что бывает довольно редко, более того, слишком редко. Потому и столь неожиданно может восприниматься та работа, которую режиссер провел, работая над осмыслением романа Мераса в его сценической ипостаси.

Спектакль, прочитанный как откровение

Содержание спектакля «Ничья длится мгновение» точно следует за сказанным в романе «Вечный шаг», где даже главы в большинстве своем помечены номером хода шахматной партии. Ее ведут Исаак, сын Авраама Липмана, и Адольф Шогер. Один – узник гетто, потерявший близких людей, другой – комендант гетто, уверенный в собственной непогрешимости, довольный властью и возможностью вершить судьбы тех, кто стал заключенным гетто.

Не в первый раз оба встречаются за шахматной доской. Но описанная в романе Мераса партия особенная. На этот раз она играется не в доме коменданта Шогера, а в гетто, на виду у его обитателей. Кроме того, Исааку (русифицированный вариант библейского имени Ицхак) поставлены жесткие условия: если он выиграет у Шогера, то в очередной раз детей не увезут из гетто (хотя в запале фашист признается, что этому не бывать), но Исаака он лично расстреляет. Если Исаак проиграет, то останется жив, но погибнут дети гетто (как сказал Шогеру Авраам Липман – все наши дети, все без исключения, а не только те, кого он потерял). Если Исааку удастся свести партию вничью, тогда и дети останутся живы, и он тоже не погибнет от руки Шогера, который считает, что такого результата молодому человеку добиться не удастся, поскольку он, играя с комендантом гетто, слишком хорошо обучил его шахматам. И поэтому ничьей никак не может быть, по его самоуверенному мнению. В романе описано, как, делая очередной ход, Исаак

вспоминает, как ушли из жизни те, кто был дорог ему с детства. И вот ему осталось сделать два последних хода. Он может добиться ничьей из-за вечного шага или победить, несмотря на угрозу своей жизни. Молодой человек выбирает победу. И это не просто игровая ситуация: в гетто готовилось восстание. Так выигрыш Исаака в шахматы закономерно стал сигналом к восстанию, началом его. И теми, кто оказался по воле обстоятельств зрителями той партии, комендант Адольф Шогер был буквально растерзан, что стало заслуженным концом всей его человеконенавистнической философии, самодовольства и самолюбования как вершителя судеб других людей, кем он себя считал в полном соответствии с национальной идеологией Германии того времени.

Каждая глава романа Мераса, где говорится о детях еврея-портного, начинается с подглавки, где описывается ход партии Исаака и Шогера, а затем отдельной подглавкой идет одна строка: «Я родил дочь (сына), (имя)», – сказал Авраам Липман.

Это сохранено в спектакле «Ничья длится мгновение». Авраам Липман (Илья Исаев) почти весь спектакль находится на сцене. Как участник событий, как свидетель того, что и как рассказывают его взрослые дети.

Миндаугас Карбаускис использует достаточно известный театральный прием – одни и те же артисты играют несколько ролей. Дело не в новизне режиссерского хода, а в том, как он соответствует литературной основе постановки. Все женские роли в этом составе играют Нелли Уварова и Дарья Семенова (в другом составе еще и Рамиля Искандер). Но перед нами каждый раз как бы новые героини в предлагаемых обстоятельствах. И все они – разные, хотя понятно, что все исполняются двумя артистками. В таком воплощении романа Мераса воссоздается его специфика, как и мислейтмотив: здесь нет чужих людей, здесь все свои, кроме коменданта гетто.

То же касается и артистов Тараса Епифанцева, Владислава Погиба, Александра Доронина: все они выступают то как единое целое – возвращающиеся с работы на складе в гетто, то как образы, представляющие разных персонажей. И все же между ними есть единство такое же, как и у тех, кто выступает в женских ролях. Их объединяет общая боль, обстоятельства бытования в заключении, ощущение опасности и каждодневно грядущей смерти. Они появляются на сцене или уходят за кулисы, возвращаясь в новых мизансценах. И создается ощущение родства, единства внутреннего, что выражается и внешне, ведь здесь уже не каждый за себя, а каждый – часть целого, суть которого в сопротивлении порядкам гетто, усилия по освобождению из него. И любая мизансцена, пусть она длится секунды, это рассказ о том, что связывает всех этих людей. Хотя очевидно, что главным здесь стали монологи сыновей и дочерей Авраама Липмана.

Исаак Липман (Дмитрий Кривошапов) – совсем молодой человек, возможно, мизиникер, младший и самый любимый ребенок. Он влюблен в девушку Эстер и постоянно вспоминает повесть Шолом-Алейхема «Песнь песней», считая себя и Эстер как бы персонажами того произведения. И

потому просит называть себя Шимеком, а ее зовут Бузей – по именам героев повести классика еврейской литературы на идиш. Правда, та история закончилась печально. Влюбленная девушка не дождалась того, кто семь лет не решался связать с нею жизнь, потому вышла замуж за другого. Исаак Липман даже в совершенно жутких условиях гетто остается еще подростком, немного романтиком. Ему захотелось принести Эстер цветы, и он рвет их и пытается пронести под курткой, зная, что, если их найдут у него, то по приказу Шогера его накажут ударами плети. Он рискует сам, а также может подставить остальных обитателей гетто, которые по деталям каждый день проносят в гетто части стрелкового оружия. Исаак терпит наказание, поскольку, несмотря ни на что, влюблен. Он любит шахматы и, возможно, не до конца понимает, что, играя с Шогером, отвлекает его от обысков и иных спецакций. Исаак, каким он сыгран артистом, – человек искренний, добрый, почтительный и уважающий мудрость отца, дорожащий родством с братом, сестрами, дружбой с Янеком. Конечно, он противопоставлен во всем личности Шогера, но здесь нет прямолинейного контраста. Миндаугас Карбаускис все выстраивает правдоподобно и достоверно, почти как в жизни, но только в театре. (Чего стоит начало спектакля «Ничья длится мгновение». Исаак сидит спиной к зрителям, склонившись над шахматами. Слева от него небольшой кувшин с белыми полевыми цветами. Шогер будет снова и снова выбрасывать цветы за мольберты, а Исаак опять будет пробовать пронести их в гетто, возвращаясь с работы. Потом по одному цветку раз за разом ему будут чуть суетливо и вместе с тем торжественно вручать остальные мужчины, не хуже него зная, чем им и ему грозит нарушение установленных в гетто правил.) Исаак Липман – один из таких же, как он, просто комендант заметил его выдающиеся способности и изображает некоторое внимание к его явному таланту. Ровно до тех пор и настолько, насколько это его устраивает. И чувства Исаака к Эстер поэтому – не прекраснодушная история, сочиненная Шолом-Алейхемом, а испытание, которое вряд ли и для него закончится столь безоблачно, как хотелось бы героям еврейского писателя конца девятнадцатого – начала двадцатого века.

Вот Инна: до войны она блистала на лучших оперных сценах. И мечтает, что это у нее когда-то будет. Но ее замечает Шогер, когда она возвращается в гетто с нотами оперы Галеви «Жидовка».

Вот Рахиль радуется рождению ребенка, думая, что он от ее мужа Давида, которого фашисты убили. Но от соседки по палате в больнице гетто узнает, что ребенок не от мужа, что фашисты осуществили гнусный эксперимент, сделав еврейских женщин-рожениц матерями чьих-то чужих детей. И Рахиль, которая только минуты назад говорила о ребенке, принесенном ей для кормления, что он ее плоть и радость, узнав от Лизы правду о беременности обеих женщин, своими руками убивает и собственного ребенка, и дитя Лизы.

Вот Лиза, которая хотела бы, чтобы рожденный ею ребенок умер, отказывается кормить ребенка, который остался без родителей-литовцев: они

были повешены за то, что пестовали и любили младшую дочь Авраама Липмана, за что Он дал им счастье стать и самим отцом и матерью.

Вот Касриэл, – местечковый философ, недоучившийся почитатель Ницше, возомнивший себя сверхчеловеком (хотя таковым не просто считает, а ощущает себя комендант гетто Шогер), чуть не оказался в роли предателя, выдавшего фашисту тайники, где хранилось вынесенное по частям и собранное оружие, приготовленное для попытки освобождения из гетто. Его философии хватает только на два момента: в один из вечеров Шогер показывает ему, отбивая пистолетом пальцы руки, чего на самом деле стоят его хлебосольство и все остальное. В другой раз, когда Касриэл говорит с отцом, Авраамом Липманом, тот на все его жалостливые слова, что он не выдержит пыток Шогера, отвечает, что уже ему не по силам убить сына, но тот сам должен справиться с возникшей ситуацией. И молодой человек вешается в укромном месте, не став предателем.

(Тут необходимо обратить внимание на очевидное: роман «Вечный шах» Иццокаса Мераса, имея, несомненно, и автобиографический подтекст, прямо и однозначно связан с библейским текстом, еврейской Библией, состоящей из трех частей, и в первую очередь – с Пятикнижием Моисеевым. В той же главе деления первой книги Пятикнижия Моисеева на главы на основе еврейской традиции говорится не только о том, как у Авраама и Сары появился сын Ицхак, а и о том, как Всевышний испытывал Авраама, дав ему наказ принести любимого сына в жертву. Этот фрагмент еврейской Библии читается в наших молитвах каждый день. Несомненно, что Авраам Липман, герой романа Мераса, не мог не быть религиозным евреем. При этом описано, как он теряет сына и дочерей, что в какой-то мере, но без свойственной главному герою романа Шолом-Алейхема «Тевье Молочник» слащавости, повторяет в реальных условиях ситуацию жертвоприношения. К слову, Катастрофа европейского еврейства, Холокост в привычной интерпретации, на иврите имеет название Шоа, что переводится как сожжение, то есть жертва, преданная огню. В данном случае – жертва страшная и невосполнимая.

Да и само имя Авраам, которое переводится как прародитель народов, что использовал в своих глумливых целях и политический выродок, несколько десятилетий правивший СССР, гнусная и мерзкая тварь, не к ночи будь помянут, повторим, имя Авраам здесь значимо и в контексте библейского текста, и в связи с реально возможной ситуацией, когда родители в годы войны теряли детей, близких людей.)

Несомненно, надо сказать отдельно о том, как Илья Исаев передает суть образа Авраама Липмана. (Мой дед по отцу, Янкель, у которого было несколько сыновей и дочерей, был до войны портным в Нежине. От него осталась только фотография, увеличенная, черно-белая, где изображен худощавый озабоченный человек – он погиб на фронте через несколько лет после начала войны, когда отцу моему было 16 лет.)

В романе Мераса Авраам Липман представляется, кажется таким, каким его показал режиссер Александр Аскольдов и артист Ролан Быков в

фильме о гражданской войне «Комиссар». Суетливый, замотанный заботами человек, который спасает ребенка, родившегося у комиссара (Нонна Мордюкова).

Илья Исаев, высокий, крепкий, основательный, показывает Авраама Липмана именно отцом большого семейства, хранителем традиции семейной и религиозной, тем, кто для всех своих детей – закон и истина в последней инстанции. Он нетороплив, немногословен. Но достаточно ему нагнуть голову при разговоре с Касриэлом или упереться пальцами в стол, почти до хруста в костяшках (ему непросто прямо стоять перед Шогером, прося его не увозить из гетто детей), или смотреть за партией своего сына Исаака и Шогера, чтобы переставлять белые (у Исаака) и черные (у Шогера) фигуры на доске, просто молча присутствовать на сцене – чтобы ощутить как меру его переживаний, так и степень ответственности за то, что происходит с его выросшими детьми. Важнее, однако, другое: в книге и в спектакле «Ничья длится мгновение» Авраам Липман выражает то, о чем книга Мераса и постановка Карбаускиса: ничто не оправдывает трусость и подлость, ничто не может быть причиной несчастья для других. По еврейскому закону нет ничего ценнее человеческой жизни. И Авраам Липман это знает. Правда, его дети выбрали каждый свой путь, и он не мешает им пройти его до самого конца, до смерти, до того, чтобы жертвовать собой ради других. Ему трудно убеждать сына, говоря с ним о том, каким должен быть исход партии с Шогером. Он понимает, что любой вариант окончания ее – выигрыш, проигрыш, ничья – только передышка. Но он верит в Исаака, и сын его поступает так, как нужно, поскольку, как сказал его отец, в гетто нет чужих детей, все дети – свои. И если есть возможность их спасти даже ценой собственной жизни, это надо сделать, не сомневаясь.

Именно Авраам Липман после последнего хода Исаака тихо и прочувствованно говорит: «Он победил!» – что сопровождается аплодисментами в зале, являясь логичным финалом и шахматной партии, и всего спектакля.

Спектакль как воплощенная театральность

Постановка «Ничья длится мгновение» играется на основной сцене РАМТа. Большая часть ее отдана семи зрительным рядам, ступенями поднимающимся вверх (по двадцать с небольшим мест в каждом). А меньшая часть, включая кулисы за черными полотнами, оставлена собственно сцене. На подиуме расположен длинный стол черного цвета, составленный из нескольких обычных столов. По обим сторонам его стулья с высокими спинками. За столом семь мольбертов. Но на них вместо холстов – шахматные доски (как это знакомо по партиям, которые собирают большое количество зрителей). На досках – фигуры, которые Авраам Липман время от времени передвигает, в зависимости от изменения ситуации на доске, за которой друг против друга в качестве противников – не только в подобном состязании – Исаак и Шогер.

Авраам Липман снимает доски, что в определенной мере соответствует окончанию монолога его выросших детей. Потом совсем уносит их со сцены. И тогда деревянные конструкции выглядят окнами, виселицами, бойницами или мраком тайников, тайных ходов и подвалов. Когда он говорит о своих погибших от рук фашистов (Шогера) детях, то те, которые рассказывали о том, что предшествовало их смерти, сидят лицом к залу. А когда он просто называет других, то вешает их одежду на спинку каждого из пустующих стульев. Когда говорится о том, что литовская семья, муж и жена, погибли из-за того, что спасали дочь Авраама Липмана, он вешает их одежду на крюки мольбертов. И это выглядит сурово, ужасно, но так, как было на самом деле, без лишней экзальтации и желания добиться слез зрителей любой ценой (так что Дина Годер или заведомо ошибается, или не хотела видеть то, что было тут на самом деле).

Маленькая палата в больнице гетто – два стула. Героиня Нелли Уваровой перевешивает с одного на другой черную кожаную куртку Шогера с красной повязкой со свастикой на левом рукаве – и это обозначает ребенка, зачатого поневоле от немца. Лиза снимает с головы платок и свертывает его, играя бабушку малыша, рожденного праведниками-литовцами, и такой кулек – ребенок, который кричит от голода и требует еды.

В финале спектакля только Шогер остается за столом, склонившись над доской с черно-белыми клетками, а остальные участники спектакля по очереди подходят к одной из семи досок, синхронно отводят в сторону руку и почти касаются ею доски, повторяя одно и то же движение – ход Исаака, завершивший партию. И в этом снова выражается как единство их в желании стать выше собственного благополучия, как и то, что перед нами не отдельные люди, а частица народа, страдавшего, но не сломленного, несмотря ни на что.

Комендант Шогер (Александр Гришин) – в черных брюках, коричневой водолазке, в куртке – как бы простой обыватель, почти из нашего времени. Он доволен положением вещей, ему все нравится в сложившемся распределении обязанностей и ролей. Он уверен в непогрешимости того, чьим идеям служит. Не солдафон, не маньяк, не Мефистофель, конечно же. Так, принимающий все происходящее как данность. Чего стоит его реплика, обращенная к Исааку: «Ты мой партнер по шахматам, но закон есть закон, потому получишь плетью удары за его нарушение!» Только внешне комично он обыгрывает плеть, похожую на шпагу. Ему приятно имитировать удар ею, фехтовать, зная, что он может позволить себе с этими людьми все что угодно, и им придется терпеть его выходки, поскольку только от его воли зависит их жизнь, жизнь их детей и родственников. Такой глуповатый лавочник во власти со своей философией. Он рассказывает Исааку с гордостью, что обыграл нескольких сослуживцев. И даже с долей сарказма замечает, что у него, наверное, еврейская голова. При этом он левой рукой проводит по волосам и вытягивает сжатую ладонь так, как будто измеряет череп, как это делали нацисты, на основе чего выстраивали теорию о неполноценности иных рас, народов, отдельных наций. Шогер – веселящийся

от кажущегося ему всесилья немец, такой тихий фашист, который в любой момент покажет, кто он на самом деле, как это случилось во время разговора с Касриэлом, которому он изуродовал правую руку.

Практически буквально каждая минута, пока идет спектакль, – такие мгновенные актерские работы, которые выражают основной посыл спектакля Миндаугаса Карбаускиса. И весь его можно было бы разбирать как симфонию, где все звучит в унисон, без фальши и без заведомой аффектации.

Нельзя не сказать про музыкальное оформление спектакля «Ничья длится мгновение». Нужно иметь в виду, что по природе своей он похож на мелодекламацию, будучи литературным произведением, исполняемым как концертное звучание оперы, где арии-монологи есть разговорная речь на фоне музыки. Написанная и подобранная специально Гиедриюсом Пускунигисом музыка звучит на протяжении постановки почти беспрерывно. То это чуть меланхоличная мелодия, исполняемая небольшим ансамблем, воспринимаемая как знаковый фон действия. То скрипичное соло, придающее развивающимся на сцене событиям узнаваемо-национальную окраску. При том что ни первое, ни второе не педалируется, поскольку здесь важнее не сугубо фольклорный аспект, а то, как музыка передает состояние персонажей спектакля в данный момент их бытования на сцене.

Порой музыка прерывается шумом. Рахиль рассказывает, как в ее сознание вошло впечатление о море в Паланге. И звучит усиленный шум волн, что сопровождается жестами, передающими их движение. (Тогда же одним движением руки она показывает протяженность полосы на автобусе, который увез предыдущую партию детей гетто как бы на прививку от тяжелой болезни. И этот жест, невидимая полоса, им обозначенная, – как граница между жизнью и смертью. И так подробно и с подтекстом сыгран весь спектакль «Ничья длится мгновение». Когда та же Рахиль собирается умертвить рожденного ею ребенка, слышатся раскаты и шум грозы.)

Музыка, оставаясь как бы на втором плане, сопутствует действию настолько точно и закономерно, что разделить одно и другое просто невозможно, да и не нужно. Поскольку как бы ни были хороши в отдельности разные особенности спектакля, он интересен в целостности своей, как единое авторское, творческое, гуманистическое высказывание.

Эпилог

По окончании спектакля у меня было несколько вопросов по его поводу. Поскольку он только что закончился, и те, кто его вел, были заняты, я задал их сосредоточенной миловидной девушке с рыжими волосами – дежурному администратору театра, которая перед началом спектакля выписывала мне пропуск для его просмотра. Благодаря ее желанию помочь мне удалось узнать, что спектакль «Ничья длится мгновение» сыгран был в тот вечер в 68-й раз, и что он идет один раз в месяц-два. В таком случае, если следующие его показы пусть и не совпадут, но могут быть, в принципе, приурочены к семидесятилетию государства Израиль, которое отмечается в этом году совсем скоро. Также мне рассказали, что политика спектакля

состоит в том, чтобы зрители на постановки приходили семьями, а если приходят школьники из одного класса, то так, чтобы рядом с ними были и взрослые. Это нужно для того, чтобы была возможность обсудить увиденное с теми, чье мнение может быть авторитетно и поучительно. Кроме того, приятно было услышать, что дежурный администратор прочитала роман Мераса и отлично знает о том, что при инсценировке Карбаускисом было сокращено. Поэтому то, что привелось услышать за считанные минуты общения с сотрудницей театра, рассказало о нем, РАМТе, гораздо больше аннотаций и иной информации, поскольку свидетельствует о том, что РАМТ – театр живой, развивающийся, настоящий, где работают талантливые артисты и ставят хорошие режиссеры, что немаловажно с любой точки зрения.

Если вернуться к спектаклю «Ничья длится мгновение», то очень принципиальным кажется подчеркнуть самое важное для его понимания: он не только про евреев, хотя понятно, что содержание его касается бедствий узников гетто – в данном случае в Литве. Он о том, что всегда приходится делать выбор (как и сказано было в Пятикнижии Моисеевом перед вхождением в Землю обетованную: различайте добро и зло). Он о том, что главное, что нам дано как ориентир, – душа, а с нею – вера и совесть. И их невозможно обмануть, поскольку любые доказательства несправедливой жизни – гнилая философия, которая оборачивается против тех, кто ее исповедует, рано или поздно. Против них самих, их близких, детей, поскольку мы судимся за намерения и поступки, намерения, ставшие или не ставшие поступками. А значит, написанная Ицхокасом Мерасом о мытарствах евреев в годы войны книга – в сущности, о человеке как таковом, с его отношением к вере, к традициям своего народа, с его попыткой сохранить свое «я» при любых режимах, социальных устройствах, перипетиях и событиях. Об этом и поставил свой замечательный спектакль Миндаугас Карбаускис, чутко прочитавший и проживший вместе со всеми участниками спектакля эту страшную, мужественную и трудную историю, поставив пронзительную и волнующую сердце и душу композицию, собственно говоря, о том, что актуально здесь и сейчас, как и всегда, для каждого зрителя.

ПСЕВДОГЕРОИЧЕСКАЯ И СПОРНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ИНИЦИАТИВА

Опера в двух действиях «Пассажи́рка» Моисея Вайнберга, в сценическом варианте поставленная в московском театре «Новая Опера» имени Е.В. Колобова через двадцать лет после смерти ее автора, советского композитора трагической судьбы, не могла не стать событием культурной жизни российской столицы. Скажем больше, несмотря на трагическое содержание и во многом авангардную, непростую для восприятия партитуру, она же является теперь событием модным (достаточно посмотреть на очередь из десятков зрителей, которые выстраиваются к администратору, чтобы получить пропуск или приглашение на спектакль, чтобы ощутить то, что посмотреть «Пассажи́рку» теперь считается хорошим тоном светской жизни).

Премьера оперы прошла в конце января нынешнего года, будучи приуроченной к Международному Дню памяти жертв Холокоста, а пятый премьерный спектакль отнюдь не случайно намечен на 22 июня 2017 года, на день начала Великой Отечественной войны.

Впечатляет и список тех, что оказывал содействие тому, чтобы спектакль появился на московской сцене. Достаточно указать хотя бы Российский еврейский конгресс (РЕК), «Джойнт», ряд известных фондов, а также федеральные телеканалы «Россия 1» и «Россия Культура». В этой же связи следует назвать и режиссера-постановщика «Пассажи́рки» Сергея Широкова, который на российском телевидении делает развлекательные программы, а также модельера Игоря Чапурина, в чьих костюмах играют участники постановки данной оперы.

Отдельно в программке выделено имя отечественного певца и общественного деятеля Иосифа Кобзона, народного артиста СССР, при поддержке которого, как сказано, создан спектакль «Пассажи́рка». Вероятно, ситуацию в ее изначальном виде можно представить таким образом: Сергей Широков обсуждал с Иосифом Кобзоном постановку «Пассажи́рки» как культурный проект, получил поддержку в широком смысле слова. В результате успешно и благополучно был создан премьерный продукт, прошедший на сцене «Новой Оперы». О том, насколько серьезно шла подготовка спектакля, можно судить и по тому, что отдельно указаны репетиторы по немецкому, французскому, чешскому языкам и идишу в ряду других. И это при том, что для «Новой Оперы» исполнять оперы на языке оригинала – практически норма.

В результате совместных усилий (среди которых в первую очередь следует отметить работу музыкального руководителя постановки Яна Лагам-Кёнига) получилось эффектное зрелище, где наряду с обычными сценическими эффектами, вроде подъема декораций из пространства под сценой, используется и верхняя часть сцены – как экран, на котором демонстрируются специально снятые сюжеты, выполненные в контексте драматургии либретто (Ю. Медведев при участии Ю. Лукина по

одноименной повести Зофы Посмыш). Стоит добавить, например, что визуальный ряд здесь дополнен выведением на экран съемок как бы скрытой камерой, что дает зрителям возможность увидеть не только мизансцену, но и те эмоции, которые вызывает у главных героев та или иная партия по ходу спектакля.

То есть перед нами сугубо современный по стилистике, по подаче музыкального материала спектакль хорошего европейского уровня. Но именно то, что театр вместе с режиссером и сценографом Ларисой Ломакиной ориентировался на норму, знакомую теперешнему зрителю-меломану в разных странах мира, привело, на наш взгляд, к тому, что важный в своей феноменальности и воспитательной, мемориальной составляющей спектакль получился упрощенно-усредненным.

Дело не в том, что он необычен для солистов, хора и музыкантов «Новой Оперы», а в том, что по духу своему, по клиповости и прямолинейности раскрытия заявленной в нем горькой и трагической темы он явно чужероден театру, кажется чем-то гастрольным на его сцене.

Сюжет оперы достаточно обычен. На борту корабля, следующего в Бразилию, встречаются Лиза и Марта. Первая была надзирательницей в Освенциме, вторая – одной из заключенных. Лиза делится с Вальтером (Дмитрий Пьянов), мужем-дипломатом, своими воспоминаниями, понимая, что встреча с Мартой может стоить тому карьеры. Потом они решают, что прошлое таковым и останется, что было такое время и только служба, выполнение долга. Таким образом, сразу задана и интрига оперы, и композиция ее – большие сцены на судне продолжают сцениками в концлагере в каждом из двух действий этого музыкального произведения, что должно усиливать драматизм происходящего и подводить к логичной и оправданной развязке, которая несколько размыта. Марта в финальном номере вспоминает имена тех, кто был в ее бараке, свидетельствуя о том, что не имеет права их забыть. И звучит это как красивый, законченный и самостоятельный номер, которому, как и всему спектаклю, не хватает с театральной, а также и с вокальной точки зрения оправданного и ожидаемого трагизма.

На самом деле нет претензий к вокальному профессионализму тех, кто играет спектакль. И в первую очередь – к Наталье Креслиной (Марта) и Валерии Пфистер (Лиза). Их разведенный во времени и пространстве дуэт – естественно, лейтмотив всего спектакля «Пассажирка». И если партия Марты полна обертонов и эмоций, то партия Лизы в некотором смысле этого лишена. И дело тут не в специфике менталитета немки и польки, а в том, что сама концепция спектакля «Пассажирка», как отмечено выше, выглядит несколько банальной и вторичной.

(К слову, так ли уж обязательно было одевать женщин-заключенных в новенькие полосатые робы от Чапурина, который, будучи дипломированным специалистом по женскому платью, создал стилизованные под шестидесятые годы прошлого века наряды для женщин-пассажирок трансатлантического, чуть ли не круизного рейса. Стоит упомянуть в той же связи мизансцену

переодевания заключенных очередной партии, когда артисты хора – мужчины и женщины – раздеваются догола, а потом на глазах у зрителей облачаются в новые же костюмы от известного модельера. Несколько лет назад задействование голых статистов в клетке на одной из премьер в Германии привело к снятию спектакля из репертуара. Известно и то, что существует в Израиле мнение, что нельзя в открытом доступе демонстрировать фотографии расстрела евреев, где женщины сняты без одежды. Но оказалось, что фотографии жертв фашистов и обнаженная натура, по мысли создателей «Пассажирки», достаточно органично могут сосуществовать в рамках одного сценического пространства.)

Выделить хочется и Илью Кузьмина в роли Тадеуша, возлюбленного Марты, как и она, заключенного Освенцима. Эта партия очень убедительно выстроена композитором, поскольку Илья Кузьмин играет в ней и любовь к Марте, и воспоминание о том прекрасном времени, которое в их отношениях было до войны (чего стоит то, что он держит футляр скрипки, как нерожденного Мартой ребенка). Сильное впечатление производит и то, что Тадеуш проявляет подлинный героизм, когда вместо вальса, любимого комендантом концлагеря, начинает играть «Чахону» Баха, что напоминает и о достижениях настоящей немецкой культуры, которую фашизм отбросил, и о возвышенной драме чувств его и тех, кто оказался по стечению обстоятельств в черном аду, как поют басы хора «Новой Оперы». (Отдельно следует отметить и этих участников спектакля, которые небольшие вокальные номера, звучащие в опере, исполняют торжественно и мощно, и потому, что не их нахождение на балконе над сценой, а сама унисонность, масштабность исполнения, переданная не просто профессионально, а прочувствованно, напоминает русское церковное пение, что придает действию истинный ракурс, делая хор именно хором, комментатором событий и вокальных монологов героев спектакля.)

Но, говоря об удаче созданного Ильей Кузьминым образа Тадеуша, что по страстности и значительности является камертоном спектакля «Пассажирка», нельзя не указать на банальность чисто вторичного решения сцены его расстрела. Охранник, стоя спиной к залу, лицом – к музыканту, направляет на него свой автомат, и звучит характерный треск и что-то похожее на блеск бенгальских огней, что тоже есть в своем роде примета режиссуры в данном случае, соединение возвышенного и примитивного, хотя те же секунды расстрела можно было бы передать музыкально, учитывая, что ударная группа в партитуре «Пассажирки» от начала и до конца постановки задействована очень активно.

Несомненна и игра Виктории Шевцовой в роли Кати, русской партизанки, заключенной. Она исполняет свою партию на русском языке, а музыкально ей досталась достаточно сложная в техническом отношении, практически а капелла исполняемая русская песня. И роль Кати, четко выстроенная по характеру, также является одной из лучших в «Пассажирке». (Здесь необходимо указать на один важный для понимания отношения к опере Вайнберга момент: в конце шестидесятых годов для предполагаемой и

так и не состоявшейся в Большом театре постановки он написал гениальную, несомненно авангардную музыку, но все же в жанре советской оперы, где характеры четко разделены на положительные и отрицательные, что в некотором роде сохранено и в спектакле на сцене «Новой Оперы». Эта по букве и духу советская опера пересоздана в жанре современной оперы, в определенном смысле интернациональной, лишенной привязки ко времени и месту, что и явилось, как думается, основной причиной неоднозначного отношения к тому, как играется «Пассажирка» Вайнберга сейчас и в «Новой Опере». Тут надо было или оставить все как есть, т.е. советскую оперу, чуть осовременив ее, или сделать нечто сугубо авангардное, благо музыка Вайнберга это позволяла, но получился бы конфликт с ее содержанием. В результате же соединили старое и новое, так что получился вроде бы симбиоз того и другого, который можно назвать продуктом, но все же несоответствующим в целом и в частном музыкальным произведением. Мы говорим не о теме, несомненно, важной и всегда актуальной. А о том, как она воплотилась в конкретный спектакль одного из лучших театров столицы как минимум.)

Уже отмечалась достойная внимания работа хора в «Пассажирке». Как и во всем спектакле, претензий к исполнителям, в данном случае – к хористам, нет. Они – к тому, как задействованы артисты в данном случае.

Режиссер Жагарс в своем варианте оперы «Набукко» на той же сцене, о чем мне довелось писать для «Нового Континента», больше десяти лет назад задействовал участников хора театра в качестве артистов массовки. Действие оперы Верди, повторим, перенесено было в предвоенное время. И происходило в венском метро. Там каждый артист хора имел конкретную задачу и в рамках ее передавал те чувства, которые испытывали евреи после известий о приближении к их городу войск вавилонян и специфике «правления» Навуходоносора (Набукко в итальянской транскрипции). То есть хористы «Новой Оперы» не только прекрасно выппевают свои партии, но и реально и выразительно участвуют в действии в «Набукко», чего нет в «Пассажирке». Тут они серая и практически безличная масса, лишь местами приобретающая индивидуальные черты. Только в двух мизансценах драматические таланты хористов дают о себе знать: когда в начале второго действия они разбирают на складе вещи заключенных, передавая их друг другу, и далее, когда не колонной, друг за другом, пересекают сцену в декорациях концлагеря, то есть за колючей проволокой и под горящими прожекторами, направляясь в газовую камеру, – тут не просто машинальное движение друг за другом, а в течение нескольких минут переданные судьбы и характеры, чего не удастся обнаружить в основном действии спектакля.

Это то, что показалось достойным похвалы.

Теперь о неприятном: фашисты в концлагере в «Пассажирке» в чем-то по игре напоминают то, как им подобных изображали в советских фильмах военного времени. Тут они – просто исполнители, как и доказывала Лиза. Не моральные уроды, не истязатели, не выродки, а службисты, что кажется главной неудачей спектакля. Поскольку такая аморфность, невыраженность

персонажей – надзирателей и офицеров концлагеря – к сожалению, вписывается однозначно в доводы Лизы, которая пытается оправдать себя перед собой и мужем. И тогда катарсиса, как и осуждения – не получается в таком прочтении «Пассажирки». Речь, конечно же, не о чувстве мести, а о неотвратимости наказания – со стороны государства или собственной совести – за преступления перед человечеством, перед нравственностью и совестью.

И в такой связи могу сказать, что, наверное, я не прав, но не мог хлопнуть при выходе артистов, игравших фашистов. Что-то глубоко неправильное, на мой взгляд, противоестественное было бы в подобных аплодисментах. При всем том, что понятно, что речь идет об актерах и ролях, но, как писал Твардовский, «все же, все же...»

Мне кажется, что есть претензии не столько к оркестру, сколько к дирижеру спектакля Андрею Лебедеву. Не будучи отнюдь музыкантом по образованию, все же как зритель и слушатель могу сказать, что звучание ударных и духовых в «Пассажирке», по-моему, чересчур форсированное. Музыка Вайнберга – и без того достаточно нетривиальная, сложная для восприятия, опережавшая время – не требовала, как думается, усиления, поскольку в ней самой уже все было для того, чтобы передать и сильные чувства, и переживания всех персонажей его оперы. Такое усиление звучания инструментов, скорее всего, вписывается в контекст прямолинейной демонстрации содержания оперы, того, чтобы она была легко и сразу воспринимается зрителями, что вряд ли пошло ей на пользу.

(В контексте «Пассажирки» логично сравнить оперу Вайнберга с Седьмой («Ленинградской») симфонией Шостаковича, написанной в годы войны. Там тоже есть показ сил зла и добра, обозначено и противостояние одного с другим. И несомненно, что между произведениями Шостаковича и Вайнберга есть много общего, как много сходного было и в их отношении к музыке, во взаимных дружеских, как минимум, чувствах. Но то, что у Шостаковича дано мощно и в чем-то прямолинейно, у Вайнберга воссоздано с большей экспрессией, которую не следовало бы преувеличивать за счет громкости звучания инструментов. Драматизму «Пассажирки» не помешала бы некоторая приглушенность даже, как представляется с точки зрения дилетанта и любителя музыки. К слову, стоит вспомнить, что это именно Шостакович предложил Вайнбергу написать оперу по книге воспоминаний бывшей польской заключенной концлагеря для Большого театра, что в контексте не только человеческих контактов, но и в связи с темой оперы (вспомним, что Шостакович написал ораторию «Бабий Яр» на стихи Евтушенко) имеет очень важный подтекст.)

Если говорить о визуальном решении спектакля, то иметь в виду надо два момента: собственно сценографию и использование видеоряда на экране над сценой. Если не брать во внимание машинерию, когда нары лагерного барака вместе с заключенными поднимаются из-под сцены, а потом уходят под нее при смене картин постановки, то сценография достаточно обычна: зал корабля и одна из кают, внутренняя часть барака и плац – вот три места действия. Каждое из них показано основательно, узнаваемо, в меру

театрально и правдоподобно. Сценограф, размышляя о спектакле, обратила внимание на воду, которая – желоб на авансцене – используется в оформлении спектакля. Водная поверхность, по словам Ларисы Ломакиной, метафорична, на что указывал не одно десятилетие назад в прозе и поэзии Бродский. В «Пассажирке» отражательная особенность водной поверхности использована лишь однажды – когда Марта смотрит в воду. А то, что действие спектакля связано с путешествием по океану, передано записью съёмки волн, выведенной на занавес в начале спектакля и в конце его.

Но, что называется, «фишка» (и это жаргонно-профессиональное определение здесь кстати) спектакля по музыке Вайнберга – сюжеты, в которых показаны главные герои постановки, Лиза, Марта и Тадеуш, в то время, когда они были моложе на 15–20 лет: одна – надзирательница, двое других – молодые, влюбленные друг в друга люди. Эти сюжеты сделаны талантливо, четко по хронометражу и сами по себе представляют отдельный спектакль, который можно показывать как самостоятельное произведение искусства. В контексте же оперы Вайнберга, в том, как она показана в Москве, видеоряд кажется избыточным, отвлекающим. Вот лишь несколько примеров, объясняющих избыточность внешней изобразительности. В конце первого действия на экране появляются взалхлеб лающие собаки – длинный и затянутый план. Когда он же появляется во втором действии, воздействие его уже не столь сильное, как в другой части спектакля. Или столбы дыма, когда хористы проходят плац, чтобы передать чувства тех, кто должен скоро погибнуть в газовой камере. Тоже затянуто и прямолинейно. Как и крупный план руки с порядковым номером 7566, что похоже не на документ, а на перформанс.

(Несколько лет назад на выставке в Центре Сахарова проходила выставка, посвященная столетию со дня рождения Рауля Валленберга, праведника мира, спасшего в последние годы войны сотни тысяч евреев Венгрии и Австрии. Там было много документальных свидетельств, а сама экспозиция сопровождалась соответствующим звукорядом – звуками пикирующих самолетов, криками детей. В центре выставки в человеческий рост размером помещены были фотографии четырех людей из тех, кого спас Валленберг и его помощники. Рядом с их фотографиями шла послевоенная история их жизни, фотографии их детей и внуков, что стало невероятной силы акцентом всей экспозиции. Но в «Пассажирке» крупное изображение руки с лагерным номером таковым не могло стать по определению, поскольку речь здесь идет не о трагедии, а прежде всего о попытке представить ее как бы в современном изложении, что входит в противоречие с сутью музыки и либретто оперы Вайнберга как произведения музыкального искусства.)

Правда, нельзя не указать на два идеально совпадающих с содержанием «Пассажирки» визуальных момента. Первый – тот, где во время пения Катей русской песни идет долгий план, когда камера медленно опускается в березовой роще и доходит до земли, когда сначала появляется звезда на памятнике военных лет, а потом и сам памятник, что производит сильное и аутентичное впечатление. Второй – когда над сценой, над зрительным залом

появляется экспозиция зала израильского Музея Яд Ва Шем (рука и имя), где собраны фотографии жертв фашистского геноцида евреев. И возникает ощущение, как будто это уже не спектакль, а сам зал музея жертвам Катастрофы европейского еврейства. Фотографии оказываются справа, слева, наверху, так что возникает эффект присутствия в музее памяти, но, наверное, не все его переживают, поскольку действие на сцене продолжается, и по сторонам или вверх не все зрители в этом месте спектакля станут смотреть. И все же это именно то, что нужно было «Пассажирке», – включенность в действие, сострадание, сочувствие, переживание чужого и давнего, как своего и близкого по-человечески, чего нельзя сказать обо всем спектакле целиком. (Достаточно вспомнить краткую по времени, но важную для постановки мизансцену: в начале первого действия в открытой двери на палубу корабля, как морок, появляется главная надзирательница (Татьяна Кузнецова), а потом исчезает, как видение. И такая подробность важна для понимания спектакля, но подобных моментов в нем очень мало, поскольку опера поставлена в жанре большого стиля, когда все рассчитано на массового зрителя и нетребовательное восприятие.)

В любой подробности он сделан профессионально, добросовестно, хотя и рационально, без выражения отношения к происходящему, что приводит к стереотипу восприятия несчастья и боли, как и к банальной театральности вместо ощущения сопричастности. Получается взгляд со стороны, как описал это классик французской литературы двадцатого века в романе «Посторонний».

В 2006 году, через двадцать лет после смерти Моисея Вайнберга, прошла премьера «Пассажирки» в Московском международном Доме музыки, которым руководит Владимир Спиваков. Спектакль прошел в концертном исполнении. И думается, что для современного зрителя такая форма постановки этой оперы представляется наиболее правильной и естественной, поскольку, как доказала премьера в «Новой Опере», попытка передать содержание музыкального шедевра советского композитора прошлого века требует вдумчивого подхода и нахождения приемлемого сценического решения. Или в ином случае выходит нечто помпезное и в чем-то фальшивое по сути, при формальном соблюдении того, что написано в партитуре, но без творческого, личного и общечеловеческого прочтения ее, как документа своей эпохи, как послания в будущее, как дань памяти и истории частного геройства на фоне злобы и смертельной опасности. К сожалению, подобного о нынешней столичной премьере «Пассажирки» сказать нельзя, хотя, повторим, она по-своему привлекла к себе внимание зрителей, в том числе и селебрити, что все же не так уж важно для подлинного и долгосрочного успеха.

*Валентин Янковский,
генеалог, г. Цфат, Израиль*

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ СЕМЬИ СВОЙСКИХ

Свойский Лейба Мовшевич

Дата рождения неизвестна, скончался Лейба в 1938 году. Отправной точкой в рассказе о Лейбе и его потомках послужит вот эта фотография семьи Свойских.

В центре сидят Лейба и его жена Стера Борисовна. Между ними – внучка Берта (Бася) Яковлевна Белявская.

Слева направо: мальчик – Борис Яковлевич Белявский, Исаак Львович Свойский, его жена Любовь Абрамовна с дочкой Мусей на руках. Позади Лейбы стоят два его сына, Иосиф Лейбович Свойский и Яков Львович Белявский. Рядом с Яковом стоит его жена, Мария Борисовна Белявская.

Далее Залман Львович Свойский, Мария Львовна Святская (Свойская). Ниже Залмана сидит Моисей Львович Свойский. Справа от него Борис Моисеевич Святский. Справа в нижнем углу Ида Яковлевна Белявская.

История этой фотографии тоже интересна. Она была сделана в Самаре в 1928 году в связи с приездом Залмана Львовича Свойского в составе делегации Джойнта из США с благотворительной помощью евреям Самары. Фотография была, естественно, черно-белая.

Современные способы раскрашивания фотографий придали ей еще более интересный вид.

Теперь о каждой персоне этой фотографии на основании имеющейся у меня информации.

Глава семейства – Лейба (Лев) Моисеевич (Мовшевич) Свойский.

Жена – Стера Борисовна.

Семья Лейбы и Стеры проживала в Гомеле до и после революции. У них было семь детей – сыновья Яков, Залман, Моисей, Исаак и Иосиф, дочери Мария и Берта (Бася). Кем работал Лейба в Гомеле, неизвестно. До переезда в Самару работал в Нижнем Новгороде сплавщиком леса. В Нижнем Новгороде и сейчас проживают Свойские (возможно, потомки его близких родственников).

Семья переехала в Самару, скорее всего, в 1919 г. Об этом можно судить по следующим фактам. Берта (Бася), дочь Якова (на фото в центре), родилась 30.12.1918 в Гомеле. А 27.03.1919 в Самаре родился сын у дочери Лейбы Марии – Борис. На фото он крайний справа. Кроме того, 17.09.1919 в Самаре родилась младшая сестра Берты – Ида (на фото она внизу справа).

В Самаре Лейба Свойский примкнул к еврейской общине «Ашкенази» при синагоге, где его выбрали секретарем и габаем (старостой). Скончался в 1938 году. Со временем его могила на еврейском кладбище в Самаре была утеряна. Долгое время не удавалось ее найти. Однако случилось невероятное. Вот как об этом вспоминает его потомок Игорь Фейгин.

«Мама скончалась 10 ава (10 августа 2011г.), а спустя пару месяцев при посещении шаббата в синагоге я услышал от раввина, что в день 7.11.2011 евреям по традиции возвращаются долги. Я не придавал этим словам особого значения. Ночью в канун этого дня на землю лег первый снег, а утром мне позвонил директор кладбища, знавший о моих поисках могилы Л.М. Свойского, и сообщил, что при очистке снега на территории кладбища

было найдено захоронение с могильной плитой с обозначением ФИО Л.М. Свойского. Вот такая чудесная история».

О жене Лейбы Стере Борисовне мало что известно. Вспоминают, что она очень вкусно готовила, на Песах сама пекла мацу, в синагоге на праздниках сидела в первом ряду на почетном месте на балконе, где размещались все женщины.

Есть информация, что, вероятно, она родом из Белоруссии (возможно, из Гомеля) в то время как род очень многих Свойских берет свое начало из Лиозно (родины Альтер Ребе).

Теперь некоторая информация о детях Лейбы.

1. Старший сын, **Яков Львович Белявский (Свойский)**, которому в молодости грозила мобилизация на 1-ю мировую войну. Он взял фамилию своего дяди (Белявский) и переехал на службу в милицию в г. Двинск (ныне Даугавпилс) в 1914 г. После демобилизации работал кровельщиком и жестянщиком. Физически был очень крепкий, увлекался французской борьбой. Умер предположительно в 1943 г.

Жена Якова Львовича, Мария (Мириам) Борисовна Белявская (Борщукова). Дата рождения неизвестна, умерла предположительно, как и ее муж, в годы войны. Захоронения ее и мужа на еврейском кладбище в Самаре не найдены. По рассказам их дочери Баси, Мария в молодости работала на заводе в Гомеле и занималась распространением революционных листовок. После Февральской революции в марте 1917 года заместителем председателя Гомельского комитета РСДРП был избран Мендель Маркович Хатаевич.

В феврале 1918 года в связи с оккупацией Гомеля немцами М. Хатаевич с группой товарищей эвакуировался в Самару. Здесь он был избран членом бюро губкома РКП (б).

Возможно, знакомство его с семьей Свойских-Белявских и послужило причиной переезда этого семейства в Самару.

В семье Якова и Марии Белявских было трое детей: сын Борис, дочери Берта (Бася) и Ида.

Борис Яковлевич Белявский (1915–1944), на общем фото стоит крайний слева. Окончил техникум, работал механиком, женился, был призван в армию и мобилизован на финский фронт в 1939 г. Во время военных действий, проходивших в болотистой местности, тяжело заболел и с инвалидностью был направлен в госпиталь, а потом на реабилитацию в Самару, где и умер. Жена – Софья (Соня) Белявская (Плоткина), приехала в Куйбышев (Самару) из Гомеля с мамой Ентой Плоткиной в 1941 г., в эвакуацию после начала войны. Перед кончиной мужа в 1944 г. родила сына, Владимира Борисовича Белявского, который проживает в Самаре по настоящее время. Он работал металлургом на местном металлургическом заводе, ныне на пенсии. Его жена – Нина Ивановна Белявская (Матвеева), 1943 г.р., швея и учительница в школе, ныне также на пенсии. Детей нет.

Средний ребенок в семье Белявских, **Берта (Бася) Яковлевна Фейгина** (30.12.1918 – 10.08.2011).

Берта училась в еврейской школе в Самаре в конце 20-х – начале 30-х годов (школа находилась в соседнем дворе дома на ул. Фрунзе, 90, где проживала тогда семья Свойских-Белявских). Некоторое время работала в школьной столовой, а летом, когда дети выезжали на работу в еврейский колхоз-коммуна «Нойе Лебен» («Новая жизнь»), работала в колхозной столовой.

До войны, во время войны и после работала химиком-лаборантом, бригадиром в Центральной заводской лаборатории (ЦЗЛ) на заводе № 42 (позже переименован в Куйбышевский, ныне Самарский электромеханический завод). Замуж вышла в 1948 г. Муж – Владимир (Вульф) Янович (Яковлевич) Фейгин (15.10.1913, г. Новозыбков Брянской обл. – 18.10.1985, г. Куйбышев (ныне Самара), работал инженером-строителем в проектно-институте «Гипронефтьстрой» (Куйбышев).

В семье Фейгиных родились два сына: Борис и Игорь.

1. **Борис Владимирович Фейгин** (16.03.1949, Куйбышев – 22.03.1994, Куйбышев). Работал инженером-строителем. Дочь Ирина Борисовна, сын Игорь Борисович.

2. **Игорь Владимирович Фейгин** (род. 14.02.1955).

Окончил в 1981 году филологический факультет Самарского государственного университета по специальности «романо-германские языки и литература». Работал старшим преподавателем в Самарском государственном университете. До выхода на пенсию – в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов (Самарский филиал). Являлся одним из учредителей Организации ортодоксального иудаизма г. Самары «Ор Исраэль» («Свет Израиля»).

Дважды женат. От первого брака с Еленой Полянкой у него две дочери – Анна и Ольга.

Второй раз женат на Изабелле Юрьевне Торгман. В настоящий момент Игорь проживает в Санкт-Петербурге. Он работает старшим преподавателем в Санкт-Петербургском гуманитарном университете профсоюзов.

2. Залман Львович Свойский.

Уехал в США, в Чикаго, вместе с тетей еще мальчиком в начале XX века. Приезжал в Самару с благотворительной помощью вместе с делегацией организации «Джойнт». Вот тогда и появилась эта общая фотография семейства Лейбы Свойского.

3. Монсей Львович Свойский.

В годы Великой Отечественной войны был мобилизован на фронт. Попал в плен и направлен в концлагерь. Об этом в семье Белявских узнали в конце войны (или сразу после нее) по рассказу Б.Я. Фейгиной (Белявской).

Служивец М.Л. Свойского, находившийся с ним в концлагере, рассказал, что группе пленных удалось бежать из концлагеря (в том числе и рассказчику), а М.Л. Свойский не смог совершить побег (болели ноги) и добровольно отказался. Судьба его неизвестна, скорее всего, умер в концлагере.

4. Исаак Львович Свойский.

До войны (в период, когда было сделано фото, 1928 г.) работал в кошерном мясном магазине в Самаре, на углу ул. Чапаевской и Льва Толстого (подвальное помещение). Его должность неизвестна (возможно, и директор, это были годы НЭПа).

В архиве потомков Исаака есть детская фотография их предка.

Жена Исаака – Любовь Абрамовна Свойская (на общем фото стоит справа от мужа с ребенком на руках).

О ней тоже ничего не известно. Ребенок на ее руках – **Мария (Муся) Исааковна Свойская** (1925? – 1952?). Спустя 20 лет она станет врачом, выйдет замуж, но рано уйдет из жизни (от инфаркта).

Ее младший брат, **Александр (Абрам, Авва) Исаакович Свойский** (на фотографии его нет, он еще не родился), будет впоследствии работать на шахте в Кирове (начальником участка). Некоторое время он переписывался с И.Я. Белявской, у него родилась дочь Лилия. В 70-е годы семья переехала в Израиль (место проживания и дальнейшая судьба членов его семьи неизвестны).

5. Иосиф Львович Свойский.

И. Л. Свойский – младший из братьев. В годы гражданской войны служил в Чапаевской дивизии в должности писаря. После войны получил экономическое образование и работал бухгалтером в объединении «Куйбышевнефть». Жена И.Л. Свойского Анна Ивановна Свойская была учительницей в школе.

Это был первый случай в семье Свойских, когда в их еврейской среде появилась русская женщина. Родители И.Л. Свойского приняли ее холодно, и молодая пара вынуждена была жить отдельно. В 1948 году Анна Ивановна тяжело заболела (психическое заболевание, потеря памяти) и в 1958 г. скончалась. Семья Свойских проживала в Куйбышеве (Самара была переименована в 1935 г.) на ул. М. Горького.

После смерти жены Иосиф женился вторично. Его вторая жена Берта Соломоновна Свойская (Фарбер) работала в школе учителем физики. Выйдя на пенсию, занималась репетиторством. Она прожила долгую жизнь (более 90 лет) и до конца сохраняла рассудок.

У Иосифа и Анны родился единственный сын **Борис Иосифович Свойский** (3.11.1937 – 16.06.2001).

(Во время моих поисков о людях, носящих фамилию Свойский, я часто наткнулся на сведения о Борисе Свойском из Самары. Но тогда у меня не было информации о том, связан ли этот человек со Свойскими, о которых я пишу. И вот теперь эта связь установлена).

В связи с тяжелой болезнью матери Борис, сын Иосифа и Анны, воспитывался в семье ее родителей (бабушки Екатерины Ивановны и дедушки Ивана Павловича Катукowych). Иван Катукow был по образованию учитель географии. На Первой мировой дед Свойского был начальником интендантской службы полка его превосходительства наследника престола цесаревича Михаила. Борис вырос на улице Алексея Толстого, одной из центральных в Самаре. Иосиф Свойский тоже принимал посильное участие в воспитании сына.

Борис Иосифович окончил школу № 6 в Куйбышеве (на ул. Фрунзе, бывшей Саратовской), занимался в литкружке при Дворце пионеров под руководством Василия Павловича Финкельштейна.

Высшее образование получил на историко-филологическом факультете пединститута Куйбышева (ныне Поволжская государственная социально-гуманитарная академия).

Работал школьным учителем в 1961–1962 годах, затем редактором в детской редакции местного телевидения. После окончания Высших сценарных курсов при Союзе кинематографистов СССР в 1969 году перешел в городскую студию кинохроники и проработал здесь тридцать лет. Снимал документальные фильмы о Самаре.

В 1999 году начал вести свою пятиминутную радиопередачу «Неожиданный поворот». Во время учебы в институте познакомился с Тамарой Надольской (1937 г.р.), его однокурсницей. Они поженились.

В феврале 1964 года у них родилась дочь Татьяна, а 6.07.1988 г. – внучка Саша.

После окончания института Б.И. Свойский работал на местном телевидении, писал рассказы для детей, а с 1969 г. – на студии кинохроники. Именно на Куйбышевской студии кинохроники Б.И. Свойский и состоялся как незаурядный кинодокументалист, режиссер, сценарист и диктор

нескольких сотен фильмов и выпусков киноальманаха «Поволжье» – об истории и событиях в жизни поволжских городов. К работе на студии он привлек и свою жену Тамару Свойскую в качестве редактора. Тамара внезапно заболела, у нее обнаружили онкологию. Борис пытался ее лечить не только в Самаре, но и в столичных клиниках, но не смог предотвратить трагедию. Тамара скончалась, на руках у мужа осталась дочь Татьяна.

Татьяна Борисовна Овчинникова – дочь Бориса.

Он тяжело переживал потерю жены, много курил и выпивал. Дочка фактически была брошена и не получила должного образования. Работала продавщицей в мясном магазине, родила единственную дочь. Именно внучка Саша стала для Бориса отдушиной, и он с новыми силами отдался любимой работе.

Выходили сборники его стихов, на радио по воскресеньям звучали его творческие зарисовки «Неожиданный поворот», озвученные неподражаемым голосом автора.

Фактически для самарцев это было равносильно голосу Левитана на местном радио. Кроме того, Борис сотрудничал со знаменитым местным драмтеатром, писал сценарии пьес и тексты песен в театральных спектаклях. Он очень любил свой город Самару, гордился земляками. Для Самары Борис был как Окуджава для московского Арбата.

Внешне Борис был чисто еврейской наружности, унаследованной от отца, но не акцентировал внимание на теме еврейства. Со своей еврейской родней он практически не общался. Так же далек он был и от религии, хотя в стихах неоднократно обращался к Б-гу.

2001 год стал трагически поворотным в судьбе Б.И. Свойского. В марте он был госпитализирован в больницу им. Пирогова с инсультом. Находясь в больнице и особенно после выписки Борис остро ощущал свое одиночество и невостребованность.

К тому времени он еще перенес ампутацию пальца на ноге в связи с гангреной, вызванной постоянным курением. Но и после операции он курить не бросил. Не мог писать, с трудом говорил. Его кормили и поили из ложечки. Утром 16 июня 2001 года он принял решение уйти из жизни, переступив подоконник окна.

6. Мария Львовна Свойская –
на общем фото стоит вверху крайняя справа.

По образованию врач, вышла замуж за Моисея Святского (23.09.1891 – 16.05.1960).

Рассказывают, что познакомились они на пароходе, плывшем по Волге. У них родились двое детей.

Сын, **Борис Моисеевич Святский** (23.03.1919, Самара – 22.02.1995, Москва), на общем фото он стоит рядом с мамой, М.Л. Святской, крайний справа.

Моисей, Борис и Мария.

Борис участник войны, переводчик с немецкого, перед отправкой на фронт закончил курсы переводчиков под Ставрополем (ныне Тольятти), (там же учился и актер Владимир Этуш). Принимал участие в боях под Сталинградом и допросах командования Паулюса.

Борис Моисеевич Святский.

Награжден многими воинскими наградами: орденом Красной Звезды, Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Вены», «За взятие Будапешта». После войны он продолжал военную службу в Германии. После возвращения в Москву Борис работал в институте Азии и Африки научным сотрудником, параллельно был редактором и переводчиком с немецкого в издательстве «Наука» (он – редактор и переводчик ряда книг). Борис Моисеевич Святский женился на Минне Хаскелис (они вместе учились в МГУ на историческом факультете) (21.11.1920, Бердичев – 20.08.2004, Москва).

Минна работала библиотекарем в библиотеке Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР. После войны у Бориса и Минны родился сын Александр (29.05.1946).

Александр окончил Московский институт электронной промышленности, защитил диссертацию, кандидат технических наук. Женился на Ларисе Михайловне Генис (12.06.1950 – 12.04.2005).

У них родились двое детей – сын Даниил (5.02.1977) и дочь Мария (5.09.1978). Даниил окончил МФТИ, аспирантуру и стажировался в США.

Живет и работает в г. Лос-Аламос. Женился там на Наталье Шерман (1973 г.р.).

У них родились 3 детей: Софья (2002), Леонид (2004) и Натан (2010). Второй ребенок Александра и Ларисы – Мария.

Она окончила МГПИ (биофак) и вышла замуж за Дмитрия Дельмана (1972).

У них также трое детей – Александр (2002), Михаил (2005) и Анна (2008). Проживают в Москве.

В семье Святских произошла страшная трагедия, нелепо 21.06.1998 погиб Александр Борисович Святский. В тот день на Москву внезапно обрушился ураган с сильным ветром и грозой. Эпицентр урагана пришелся как раз на двор дома, где проживали Святские.

В комнату влетела шаровая молния через приоткрытое окно, разбила его, и осколком стекла Александру перерезало сонную артерию. Смерть наступила мгновенно.

Спустя несколько лет вдова Александра Лариса вышла замуж, но вскоре скончалась от онкологии.

Второй ребенок Марии и Моисея Святских – дочь **Нинэлла Моисеевна Киселева (Святская)**. Родилась 13.12.1936 года. Проживала в г. Рязань.

Была замужем за Сергеем Киселевым.

У Нинеллы и Сергея родился сын Михаил.

Нинэлла Святская (Киселева), Мария Святская (Делман), Даниил Святский, Михаил и Сергей Киселевы.

7. Берга Львовна Свойская,

на общем фото сидит в центре, рядом со своим дедушкой Лейбой.

Она увлекалась музыкой и театром, играла на фортепиано. Получила экономическое образование, работала бухгалтером. Переехала в г. Симферополь. У Берты родился сын Леонид. Другой информации пока нет.

РАЗМЫШЛЕНИЕ НИЗКОГО О ВЫСОКОМ

Введение

Величие Торы понятно всем. Евреи, от ребенка и до раввина, понимают, что Тора – это свет и знания, мудрость и законы, истина и инструкция. И хотя понимание каждого из нас находится на своем уровне, оно едино в общем смысле.

Однако в чем конкретно величие Торы, и какова ее роль в жизни еврейского народа?

Народ книги – вторая универсальная идея, знакомая каждому из нас. Но о какой книге идет речь?

Моше Понтеляк в своем уникальном труде «От Синая до наших дней» раскрывает в малейших деталях удивительное путешествие Торы от момента ее дарования до наших дней. Этот великий ученый иудаизма приводит не только имена, но и детали путешествия Торы на протяжении 33-х веков. Возможно ли это? Автор и окружающая действительность убедительно показывают нам: ДА. Тора дошла до нас неизменной, точной, истинной и целостной, включая каждый знак, слово и мысль.

Вывод напрашивается очень простой: *Тора – уникальное явление, которое не подвластно ни времени, ни событиям окружающего мира.*

Зададим очередной вопрос: каковы проблемы современного иудаизма? Ведь это и есть тема данной статьи.

Но почему, размышляя о проблемах современного иудаизма, я – простой еврей-практик, учитель английского языка, который лишь в 40 лет открыл Танах и начал учить Мишну, почему свой рассказ я начал именно с вопросов о Торе, а не с вопросов об общинах, или, скажем, о кашруте, или о выполнении еврейских законов в современном мире в разных странах?

Размышляя о проблемах современного еврейского мира и активно принимая в нем участие, я имею совершенно четкое восприятие происходящего, ибо вижу это своими глазами, трогаю своими руками, ощущаю своим сердцем и проникаюсь своими мыслями. Данная статья – не более чем моя личная точка зрения, без претензий на объективность.

КАТАН ТИ?! Эти слова царя Давида последнее время не выходят у меня из головы. И я стараюсь вспомнить их каждый раз, когда в голову приходит мысль о своем разуме или силе. КТО Я? КАК ЖЕ Я МАЛ! Вот что повторял себе величайший царь на земле. Повторяя эти слова себе, легче понять невообразимое величие Творца, глубину и размах Его Торы и мелочность себя в этом удивительном мире.

Тора

Перед тем как мы углубимся в проблемы современного иудаизма, позвольте дать определение Торы.

В свои 40 лет, после вуза и десятков международных тренингов, посетив 30 стран мира и общаясь с тысячами людей, я обнаружил, что не

имею ни малейшего представления о том, что такое Тора! Начав учиться, жадно глотая мысли умных и праведных учителей из разных стран мира, я обнаружил, что Тора – учение, широкое понятие, наука, знание, включающее в себя не только Пятикнижие Моисея, но и 19 других книг, называемых Письменной Торой. Более того, Устная Традиция, включающая Талмуд и Мишну, устные знания и тысячи других книг, оставленные предками, также формируют Тору, но уже Устную Тору. И лишь оценив по-настоящему, что Тора – нереально великий океан знаний и мудрости, спущенный Свыше и записанный устами мудрых сынов еврейского народа и геров, пришедших в иудаизм, а также трепетно передаваемый от отца к сыну, от учителя к ученику источник света, мудрости и добра. Мы можем начать анализ влияния этого величайшего Знания на жизнь еврейского народа и на проблемы современного иудаизма.

Шмуэль Хазан

Мой праведный предок, прадедушка Шмилок, был коэном, раввином и ребе в своей общине. Посвящая дни и ночи изучению и обучению, живя по Торе и неся Тору в свою общину, этот святой человек завершил свою жизнь на земле, как только его синагога стала «вне закона» в 60-е годы в Оренбурге.

Его дочь, Сара Марьям Шмульевна Хазан, родила моего папу, Александра Кодрянского, который сделал брит в 73 года и принял еврейское имя в честь своего второго дедушки – Элиягу. От папы досталась мне любовь и уважение к синагоге, а также ручей еврейской крови в моем организме. Но иногда мне кажется, что мой прадедушка Шмилок выбрал в нашей семье меня для продвижения иудаизма в стенах нашей семьи. Моя необъяснимая жажда читать и смотреть, вникать и исполнять Тору явно имеет духовные корни. И мне думается, что без прадедушки тут не обошлось. Как бы там ни было, наша семья сегодня празднует шаббат и посещает синагогу систематически. Мы также связаны с общинами Самары, Москвы и Иерусалима. А значит, мой рассказ о проблемах современного иудаизма будет построен лишь на личном практическом опыте.

Тора – свет в жизни простого человека.

Проживая в нижнем материальном мире, нам – простым людям, свойственно не замечать сверхъестественного и сосредотачивать свое внимание на материальных аспектах мироздания. Воспоминания о духовных мирах приходят зачастую в минуту опасности и непреодолимых трудностей, с которыми человек не видит возможности справиться самостоятельно. И вот тогда он устремляет свои мысли к сверхъестественному. В эти минуты мы вспоминаем о Б-ге и Его влиянии на наш нижний мир.

У еврея происходит все иначе. И это доказывает избранность еврейского народа и его непохожесть на другие народы. Еврей просто не видит жизни без Б-га. Б-жественные законы, мысли, эмоции и ощущение сверхъестественного находится внутри каждого еврея. При этом не важно,

является ли еврей религиозным и соблюдающим, либо на данном этапе он еще не начал свои шаги в сторону Царя всех царей и Короля всех королей и исполнению Его заповедей. Еврей «другой» по своей сути. Он похож на других людей лишь внешне.

Отсюда становится совершенно понятно, что невероятно велико количество евреев, которые не считают себя религиозными, но являются великими врачами, спасающими миллионы жизней, либо уникальными учителями, затрагивающими миллионы судеб, либо политиками, либо учеными. И это – уникальное и неоспоримое доказательство Б-жественности в происхождении каждого еврея. Неважно, молится ли он в синагоге либо лечит людей в поликлинике.

Еврей несет Божественный свет в этот нижний мир. Этот свет – источник жизни, который другие народы принимают посредством простых и «очень непростых» евреев.

Однако на чем основана эта уникальность, солнечность и генеративная способность нести в мир жизни и свет? Ведь всему есть причина и логическая обоснованность.

Ответ: **Тора.**

Каждый еврей – обладатель уникальной Б-жественной искры, пронизывающей всю его жизнь, тело, мысли и все действия.

Печальна жизнь тех, кто не понимает этого и чинит еврейскому народу цуресы (неприятности, идиш).

Прекрасна жизнь тех, кто благоволит евреям и получает посредством них энергию небес.

Во время Синайского откровения Всевышний, благословен Он, передал Тору евреям.

Что же это значит?

А то, что Высшая Мудрость Творца земли и неба была передана на уровне подсознания, как программа жесткого диска компьютера, каждому еврею. При этом не важно, когда еврей родится: в будущем, либо он присутствовал в сам момент откровения на Синае.

Тора стала сутью обладателя каждой еврейской души с тех пор и по наши дни.

А значит, сейчас можно попытаться дать очередное определение Торе. Что же такое Тора?

Вероятно, Тора – высшая духовная мудрость, чертеж мироздания, свод законов, по которым управляется наш материальный мир, имеющий корни в высших духовных мирах.

При этом Тора – свет и источник жизни в мирах, имеет одну из форм, облаченную в буквы и строчки святых еврейских текстов, начиная Пятикнижием Моисея и заканчивая хасидскими майсами, записанными в веках. Десятки книг, включенных в Письменную Тору, а также тысячи книг, объединенных в Тору Устную, формируют материальные грани того уникального Учения и Знания, которое Творец передал своему народу для хранения и передачи другим народам.

Так давайте затронем современный иудаизм – проблемы и достижения еврейских общин России и мира в 5 780 году.

Еврейский ренессанс. Россия и Израиль.

Российское еврейство на протяжении последних 300 лет играло важнейшую роль как в сохранении Торы, так и в ее расширении и развитии. Неудивительно, что в XX веке, после 70 лет попыток запретить Тору и воспрепятствовать еврейскому народу делать то, ради чего он создан, Тора переживает ренессанс.

Российское еврейство поистине получило широкие возможности начиная с 1990 года заново открывать заброшенные синагоги, создавать школы, сады и ешивы, в которых изучение Торы снова возгорелось подобно огню Иерусалимского жертвенника.

Будучи интегрированным в жизнь нескольких еврейских общин, я каждый раз восхищаюсь искренней радостью, с которой каждый еврей принимает участие в праздниках, обрядах и событиях еврейского календаря. При этом разные евреи задействуют свои силы и ресурсы в разных аспектах жизни общины: некоторые формируют религиозные миньяны для проведения молитв на высшем духовном уровне, другие помогают материально, третьи отдают своих детей в еврейские сады и школы, что создает будущую платформу для поддержания Торы. И нам легче понять причины того, что участие евреев в жизни своей общины разнообразно как по интенсивности, так и по содержанию. Кляль Исраэль – единое целое. Коллективное участие в общем деле – уникальное мировое явление, обусловленное Б-жественным происхождением каждой еврейской души.

Вот три примера из трех разных городов, в которых я имею счастье жить и бывать.

САМАРА. Город, объединивший еврейский народ в сильные процветающие общины. При этом 3 общины Самары разные как по своей сути, так и по своему количественному показателю. Хочется остановить внимание на Самарской общине «ОР ИСРАЭЛЬ». Мне посчастливилось в жизни принять участие в одном из шаббатов этой общины. 24 часа, проведенные в кругу этих святых людей, были полны откровений и открытий. Фанатичное служение евреев своему Хозяину, чтение священных текстов, молитвы, трапезы и другие действия, обусловленные Торой и облаченные в заповеди, порождали огонь – видимый свет, который наполнял небольшое пространство нашей Самарской синагоги. В эти минуты мне стало ясно и понятно, что именно Тора является тем самым стержнем и основой, вокруг которой построено всё остальное: от создания еврейской семьи, бизнеса по-еврейски, рождения еврейских детей и до прощания на еврейском кладбище.

ОРЕНБУРГ. Еврейская община «ХАБАД ОРЕНБУРГ» объединила 300 семей в стенах старой синагоги. За 20 лет был пройден путь от создания школы, садика и ремонта малого еврейского храма. Сегодня еврейские праздники привлекают десятки и сотни участников, разжигая святой огонь Торы на высшем уровне.

Приятно и понятно, что развитие регионов Самары и Оренбурга также проходит успешно и продуктивно, параллельно возрождению еврейских общин этих городов.

ИЕРУСАЛИМ. Часть моей семьи живет в этом вечном городе. Посещение сефардской синагоги, как и изучение жизни моей израильской семьи – уникальный опыт, полученный мною в прошлом году. При этом мне также стало понятно, что еврейский ренессанс в Израиле также бесподобен и еще более прекрасен, чем в еврейских диаспорах мира.

Заключение:

Современный иудаизм пронизан и объединен Торой, как и много веков назад. Еврейская жизнь общин по-прежнему строится вокруг синагог. Раввины по сей день играют роль учителей и наставников, хранителей Торы и лидеров, вовлекающих широкие массы в служение Б-гу и более глубокое изучение Торы. Еврейские бизнесмены по-прежнему являются финансовой опорой жизнедеятельности общин. Однако велико стремление и каждого простого еврея обогатить свою синагогу и общину, что делает экономику «маленького еврейского мира» в своем городе стабильной, в то время как крупный бизнес инициирует большие еврейские проекты федерального и мирового масштаба.

Отрадно, что современная власть России, как и правители других сверхдержав (США, Великобритания, Германия, Канада и др.), сегодня понимает роль и влияние евреев на жизнь страны, создавая благоприятные условия для развития еврейских общин.

А значит, нам, евреям, остается продолжать хранить Тору, изучать и исполнять законы, данные нам на горе Синай 3335 лет назад, приближая приход Машиаха и улучшая жизнь всех народов Земли.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ СИНАГОГ В Г. САМАРЕ. НОВЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕНТРЫ

История евреев в Самаре переживала разные периоды. На 1858 год в Самарской губернии проживало 128 евреев. Въезд был разрешен только для специалистов производства. После Реформы Александра II численность евреев в Самаре стала увеличиваться. Они несли с собой особый уклад жизни, специфические трудовые навыки, иную культуру, оставаясь при этом общиной [1].

П.В. Алабин, будучи городским главой, поддерживал переселение евреев в Самару. В 1881 году здесь уже проживало 528 евреев. В основном это были ремесленники с семьями и отставные нижние чины. Многие из них занимались мелким бизнесом. Благодаря предприимчивости и трудолюбию евреи быстро богатели, сплоченные духом единства. Евреи дали новый толчок в развитии экономики города – они основали в городе колбасно-сосисочное дело, укрепили кондитерское ремесло, открывали народные бани. Самара считалась относительно спокойным, миролюбивым городом, и поток беженцев из других российских городов сюда увеличивался. Евреи приезжали семьями и впоследствии приглашали к себе всех дальних родственников, а те, в свою очередь, – своих. В Самаре формировались еврейские кварталы.

В 1881 году Александр III издал дискриминационный указ. Согласно ему, лица семитского происхождения теряли право приобретать землю в собственность, арендовать ее или селиться в деревнях. Разбогатевшие самарские евреи попали в сложное положение. Ожесточенно выдворялись нежелательные граждане. Черту оседлости по закону преодолевали купцы, заводчики, ремесленники, медики, вносившие свой вклад в развитие города. Несмотря на бюрократические преграды, еврейская община разрасталась, достигнув к 1897 году количества в 1327 человек.

Первым еврейским религиозным центром в Самаре в 1880 году стал дом купца Матвея Абрамовича Чаковского на ул. Николаевской, 166. Помимо молельного дома «Хранителей Моисеева Закона» там появилось хозяйственное правление «Ашкеназе» (ГАСО, Ф. 465, оп. 1, д. 1445, с. 1) [1].

Позже, в 1887 году, в доме Г.Д. Маркинсона на ул. Николаевской, 96, открылся второй молитвенный дом для самарских евреев религиозной группы «Сфарад». Возглавлял общество самарский купец Вольф Моисеевич Боберман. Оба молитвенных дома имели единое хозяйственное управление. Раз в три года представители еврейской общины выбирали общественного раввина и назначали членов хозяйственного правления.

Перепись населения 1897 года показала, что в Самарском уезде проживало уже 1379 евреев, в Самаре – 1327. Было принято решение построить хоральную синагогу.

Синагога была построена по проекту архитектора Зельмана Клейнермана (русский архитектор, род. в 1867 г., судьба с 1930-х гг.

неизвестна) и открылась в 1908 году. Здание синагоги было построено в мавританском стиле и разделено на центральный и два боковых нефа, каждый из которых был оформлен изящными башенками по углам. Центральный неф завершался куполом с расположенной над ним шестиконечной звездой. Фасады декорированы полосами из белого и темно-красного кирпича. Над центральным входом – большое круглое окно, переплеты которого выполнены в форме «звезды Давида». Внутреннее убранство синагоги полностью соответствовало ее внешнему виду [2]. Как синагога здание проработало всего 20 лет и уже в 1928 году было передано ДК имени III Интернационала. До 1990-х гг. в здании располагался хлебозавод [3].

В 1994 году здание было передано еврейской общине. Неоднократно начиналась реставрация здания, был составлен проект реставрации, подключено отопление и электричество, но здание так и не было восстановлено, в результате чего обветшало. В 2009–2010 гг. были начаты противоаварийные работы, и обнаружилось множество проблем, проявившихся еще во время строительства синагоги. Началась разработка нового проекта реставрации. Осенью 2018 года началась реставрация синагоги [4].

Синагога, открытая в 1880 г. (ул. Чапаевская, 846), действует до сих пор. В связи с открытием хоральной синагоги в 1908 г. ее закрыли, но вскоре она продолжила свою деятельность, проводя богослужения. 1960-е – 1970-е годы были тяжелыми для синагоги. Однако в 90-е гг. ситуация улучшилась. В синагоге начали регулярно проходить богослужения, широко отмечаться еврейские праздники. Ею заинтересовались и молодые люди. В сентябре 1991 г. в Самаре впервые за много десятилетий был публично проведен обряд бар-мицва. Сейчас здание старой синагоги перестроено и приспособлено под общинные нужды. С 1997 г. раввином Самары и Самарской области является Шломо Дойч, посланник Любавического Ребе [5].

В 2010 г. на ул. Садовой, 52, раввином Шмуэлем Вайсом была открыта синагога «Ор Израэль». Синагога открылась в приспособленном здании на первом этаже жилого дома. Несмотря на свою небольшую площадь, в ней всегда проводились большие еврейские праздники и шabbаты. В настоящее время синагогой руководит совет общины «Ор Израэль». Оставшись без раввина, синагога переживает трудные времена, однако благодаря стараниям общины и габбая она работает и проводит все религиозные мероприятия.

В 2015 г. в Самаре по инициативе раввина Моше Эстрина также открылась третья община «Дор Цаир». Сейчас она располагается на первом этаже в приспособленном помещении административного здания по адресу: ул. Соколова, 36. Она была призвана объединить еврейскую молодежь, оставив «Ор Израэль» для старшего поколения.

Количество синагог в Самаре за последние годы увеличилось. Их деятельность способствует развитию еврейской культуры и духовному подъему в городе.

Стоит отметить, что еврейской диаспоре всегда нелегко соблюдать все заповеди, находясь в среде, не приспособленной под особенности иудейской веры и культуры [3]. Это вызывает трудности с кошерным питанием, а также с перемещением по городу. В иудаизме община и синагога (от ивр. «дом собрания») имеют ключевое значение [6]. Особенности проведения еврейских праздников, например шаббата, ограничивают иудея в использовании транспорта в пятницу вечером и в субботу. В отличие от больших праздников, еженедельные шаббаты являются существенной причиной обеспечения удобной пешеходной доступности для синагоги.

В соответствии с СП 42.13330.2016 Градостроительство, радиусом пешеходной доступности для синагог как объектов бытового (религиозного) обслуживания, радиус обслуживания населения составляет 800 м в одно- и двухэтажной жилой застройке и 500 м при многоэтажной жилой застройке [7]. Это соответствует критерию пешеходной доступности. Существующие действующие синагоги (за исключением «Дор Цаир») находятся в историческом центре города и доступны только для пешеходов «старой Самары» (Самарский и Ленинский район). Синагога на ул. Соколова охватывает примерно половину жителей Октябрьского района. Таким образом, жители Железнодорожного, Советского, Промышленного и Кировского районов города не имеют пешеходной доступности к синагогам города.

В настоящее время общество развивается, понятие «черта оседлости» устарело и потеряло свое значение. Вместе с изменением морали изменились и границы г. Самары. Поэтому увеличение числа синагог в городе является приоритетной задачей, решение которой будет способствовать развитию еврейской культуры и культуры в целом, а также экономики города. Создание благоприятной среды поможет уменьшить отток трудоспособного населения в крупные города с более развитой религиозной инфраструктурой.

Таким образом, предлагается разработка стратегии развития синагог в г. Самаре и создание новых культурных центров. Увеличение числа синагог предлагается начать с появления синагоги в каждом из районов города, где их нет (Железнодорожный, Советский, Промышленный и Кировский). Далее с помощью метода расчета радиусом обслуживания/пешеходной доступности необходимо создать вторую синагогу в каждом из этих районов и позднее третью, если этого потребует расчет.

Градостроительные методы развития города не сводятся только к строительству новых зданий или приспособлению имеющихся, они представляют собой комплексный подход к проектированию. Новым синагогам будут необходимы равнины, социально активная община. Однако без синагоги – дома для общины, центра развития духовности и национального единства, еврей не сможет прийти к Б-гу, город не сможет быть комфортным для всех жителей.

Список литературы

1. Демидова, В. История евреев в Самаре [Электронный ресурс] / В. Демидова. – Электрон. текстовые дан. – Русский пионер, 18.06.2020. – Режим доступа: <http://ruspioneer.ru/profile/blogpost/1994/view/7543/>, свободный.
2. Каркарьян, В.Г. Самара – Куйбышев – Самара, или Три портрета одного города [Текст] / В.Г. Каркарьян. – Самара: Арт Презент, 2010. – 472 с.
3. Бейзер, М. Наше наследство: синагоги СНГ в прошлом и настоящем [Текст] / М. Бейзер. – Москва: Мосты культуры/Гешарим, 2002. – 176 с.
4. Анистратова, В. Как будут восстанавливать Хоральную синагогу в Самаре [Электронный ресурс] / В. Анистратова. - Электрон. текстовые дан. – Самара: Самарская газета, 04.01.2019. – Режим доступа: <https://sgpress.ru/news/101106>, свободный.
5. Демидов, А. Стенд «Синагога на Чапаевской» [Электронный ресурс] / А. Демидов. - Электрон. текстовые дан. – Самара: Еврейский мир Самары, 2004. – Режим доступа: <https://sites.google.com/site/samaraemir/muzejnaa-ekspozicia/narod-tory/stend-sinagoga-na-сараевской>, свободный.
6. Таяр, И. Синагога разгромленная, но непокоренная [Текст] / И. Таяр. – Иерусалим: Библиотека Алия, 1987. – 220 с.
7. СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89*. – Москва: Стандартинформ, 2017. – 105 с.

ФЛАГМАН ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МИРОВОГО МАСШТАБА (К 95-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОТКРЫТИЯ ЕВРЕЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИЕРУСАЛИМА)

Официальная церемония открытия Еврейского университета в Иерусалиме состоялась на горе Скопус 1 апреля 1925 года. Среди присутствующих были еврейские лидеры из ишува и диаспоры во главе с доктором Хаимом Вейцманом, а почетным гостем был английский государственный деятель лорд Артур Джеймс Бальфур. Но история университета началась за много лет до этой церемонии. В 1882 году профессор Герман Цви Шапира, математик из Гейдельбергского университета (Германия), сионистский лидер и отец идеи Еврейского национального фонда, выдвинул свои теории о необходимости создания еврейского высшего учебного заведения в Эрец-Исраэль, которое должно быть центром «Торы, мудрости и труда». Его идеи впоследствии были обсуждены на сионистском конгрессе в Базеле примерно 15 лет спустя.

В 1902 году Вейцман, вместе с Мартином Бубером и Бертольдом Фейвелем, опубликовал брошюру под названием «Eine Juedische Hochschule» («Еврейский университет»), в которой был представлен подробный план создания такого учреждения для удовлетворения потребностей еврейской молодежи. Их предложения получили поддержку сионистского руководства, и в 1913 году 11-й сионистский конгресс постановил создать комитет для работы над созданием Еврейского университета в Иерусалиме.

Впоследствии д-ру Артуру Руппину было поручено провести переговоры о покупке участка земли для размещения кампуса, и в 1918 году Вейцман заложил фундамент университета на горе Скопус. Событие произошло всего через несколько месяцев после Декларации Бальфура, а Первая мировая война еще не закончилась; действительно, фронт находился всего в нескольких километрах от Иерусалима.

Семь лет интенсивной работы отделили закладку краеугольного камня от открытия университета в 1925 году, когда тысячи людей из ишува и из еврейских общин за границей собрались вместе на горе Скопус, все они глубоко осознавали свое участие в историческом событии, которое должно было иметь ключевое место в будущем еврейского народа.

Однако, первую лекцию в Еврейском университете еще в 1923 году прочитал Альберт Эйнштейн, открыв ее несколькими фразами на иврите, на котором в дальнейшем должно было вестись преподавание.

Гора Скопус была местом, где римские легионы расположились лагерем, готовясь осадить Иерусалим в битве, которая должна была означать падение Храма. К востоку от него простираются Иудейская пустыня, долина реки Иордан и Мертвое море, территория, через которую Дети Израиля впервые вошли в Землю Обетованную. Основание университета и место, на котором он был основан, символизируют поколения преследований,

перенесенных на протяжении веков еврейским народом, и, с другой стороны, твердую решимость этого народа создать для себя Родину - центр, служащий не просто как убежище, но, прежде всего, как средоточие духовного и культурного творчества и возрождения во исполнение своего тысячелетнего видения.

Начало университета было скромным: на момент открытия он состоял всего из трех институтов: Института иудаики, который фактически начал свою работу около четырех месяцев назад, Института химии и Института микробиологии. Годом позже был добавлен Институт естественной истории Палестины и Департамент гигиены. Все это были научно-исследовательские институты, которые еще не занимались преподаванием. Библиотека, ранее находившаяся в ведении Сионистской организации, была передана университету и стала известна как Еврейская национальная и университетская библиотека, ее цель - удовлетворять исследовательские и учебные потребности университета. Прогресс, хотя и постепенный, стал более быстрым; была открыта программа обучения, и в 1931 году, через шесть лет после открытия, университет присвоил тринадцати выпускникам гуманитарного факультета свою первую степень магистра гуманитарных наук. Первому доктору философии ученая степень была присуждена в 1936 году.

К 1947 году Еврейский университет в Иерусалиме вырос до статуса крупного и хорошо зарекомендовавшего себя научно-исследовательского и учебного заведения, ответственного за дальнейшее образование в ишув, культурном центре еврейской диаспоры, особенно в области иудаики, и университета, который уже завоевал международную репутацию за качество своей работы. В его состав входят гуманитарный и научный факультеты, медицинский факультет, сельскохозяйственный факультет (расположенный в Реховоте), департамент образования, Еврейская национальная и университетская библиотека, университетское издательство и центр обучения взрослых. Набор студентов превысил 1000 человек, и на факультете было около 200 человек.

Война за независимость привела к тому, что гора Скопус была отрезана от западного Иерусалима. Университет был отправлен в изгнание. Неисчислимые и, казалось бы, непреодолимые трудности стояли на пути возобновления его программ - не было зданий или лабораторий, никакого научного оборудования, не было книг - и все же он должен был удовлетворить потребности новой независимой развивающейся страны. Именно эта потребность фактически вынудила университет вступить в период роста и интеллектуального расширения, более быстрого, чем что-либо, что он когда-либо испытывал в прошлом. В течение нескольких лет университет работал в ряде арендованных зданий, разбросанных по всему Иерусалиму, обходясь недостаточным оборудованием, и всегда рассматривая ситуацию как временную в ожидании скорейшего возвращения на гору Скопус. Когда, наконец, стало очевидно, что этому «временному» положению вещей не видно конца, было решено приобрести новое

помещение на Гиват Рам, и строительство началось в 1953 году. Этот новый кампус и медицинский центр в Эйн-Кареме, начатые примерно в одно время, оба были спроектированы так, чтобы быть намного больше, чем первоначальный дом университета на горе Скопус. Строительство шло быстро, параллельно с академическим расширением. И тем не менее, даже в это время университет обратил свое внимание на другие города, открыв филиалы в Тель-Авиве, Хайфе и Беэр-Шеве и помогая этим учреждениям обрести полную независимость.

К концу 1967 года Еврейский университет Иерусалима состоял из факультетов гуманитарных, социальных наук, права, науки, сельского хозяйства, медицины и стоматологии, а также школ образования, социальной работы и Высшей школы библиотечных исследований. Количество студентов превысило 12 500 человек.

Однако Гиват Рам и Медицинский центр в Эйн-Кареме никогда не рассматривались как замена горы Скопус. 9 июня 1967 года закончилось длительное изгнание университета. Он вернулся домой и сразу же начал восстанавливать и расширять кампус на горе Скопус.

По информации официального сайта вуза, Еврейский университет Иерусалима в цифрах на сегодняшний день выглядит следующим образом:

23 500 студентов
973 исследователя
7 факультетов
6 кампусов
14 школ
Более 200 специальностей и программ
Более 5000 курсов

Престижные награды:

1 медаль Филдса по математике
1 премия Тьюринга в области компьютерных наук
1 Международная премия Гэрднера (Канада)
8 Нобелевских премий
14 премий Вольфа
46 премий ЕМЕТ
100 премий Ротшильдов
294 премии Израиля

Инновации в цифрах:

Ежегодный доход в десятки миллионов долларов
9826 патентов
2753 изобретения (150 в год)
600 коммерческих продуктов
880 лицензий
120 дочерних компаний

Глобальный охват:

208 программ обмена студентами с 95 академическими учреждениями в 24 странах

220 докторантов из 26 стран

320 академических соглашений с учреждениями в 44 странах

2000 студентов из 90 стран посещают Международную школу Ротберга каждый год.

Приблизительно треть обладателей докторской степени в Израиле получили ее в Еврейском университете Иерусалима.

Дорогие читатели!

В Ваших руках – первый сборник «Свет Менорь», который был реализован по инициативе самарской общины «Ор Исраэль» (КЕРООР), при активной поддержке городской еврейской национально-культурной автономии «Тарбут лаАм» и самарского отделения Российского еврейского конгресса.

Настоящий сборник публикаций, в числе авторов которого участвуют представители, как Самары, так и всего мира (США, Канада, Израиль) и который впервые более чем за 10 лет работы самарских еврейских организаций дает возможность вновь высказаться о современных проблемах еврейской культуры и иудаизма.

Деятельность нашей общины также затрагивает многие стороны жизни еврейского сообщества Самары: проведение служб в шаббат и традиционных еврейских праздников в синагоге на ул.Садовой 52,

Синагога «Ор Исраэль»

строительство еврейского кладбища,

эта деятельность гармонично сочетается со светскими проектами такими как: организация еврейских концертов и фестивалей, благотворительные программы помощи нуждающимся, архивные разработки, издательская

На могиле последнего раввина Самарской хоральной синагоги Й.Л.Полтеровича

деятельность, создание и поддержка
общеобразовательной
инфраструктуры и многое
другое.

Сейчас руководители
общины используют для
поддержания её
существования свои
скромные личные
сбережения, нам также
частично помогают
неравнодушные люди и
организации. Но средств
для полноценной
деятельности по указанным
направлениям явно
недостаточно.

Поэтому, если у Вас
найдётся возможность
помочь нашей общине,
будем крайне благодарны!

Праздник «Лег ба омер» в Загородном парке культуры
и отдыха

<https://maaser.ru/ru/organizations/view/39/>

<https://www.facebook.com/KEROOR.OrIsrael>

<https://twitter.com/OrIsrael4>

vilengaon@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Приветственное слово академика РАН В.М. Полтеровича	4
Предисловие составителей	5
<i>Ana Polterovich</i>	
The story of a missing page	7
<i>Игорь Шейнин</i>	
Границы языка и речи в современном иудаизме	9
<i>Моше Эстрин</i>	
Статус плода в еврейском галахическом праве	12
<i>Станислав Репинецкий</i>	
Иудейская община г. Куйбышева после Второй Мировой войны	23
<i>Лев Генин</i>	
Грустная история о любви, которую даже смерть разлучить не может	30
<i>Илья Абель</i>	
Партитура боли и утрат	38
<i>Илья Абель</i>	
Псевдогероическая и спорная музыкальная инициатива	49
<i>Валентин Янковский</i>	
Родственные связи семьи Свойских	56
<i>Аркадий Кодрянский</i>	
Размышление низкого о высоком	72
<i>Елизавета Косенкова</i>	
Стратегия развития синагог в г. Самаре. Новые культурные центры	77
<i>Анатолий Девяткин</i>	
Флагман высшего образования мирового масштаба (к 95-летию со дня открытия еврейского университета Иерусалима)	81
Заключение	85

Свет Меноры

Сборник

Посвящается 300-летию
со дня рождения Виленского Гаона.

Составители *И. Р. Шейнин, Я. Г. Трахт*
Корректор *А. Д. Мустафина*

Подписано в печать 02.09.2020 г.
Формат А5 (148x210 мм). Печать цифровая. Бумага мелованная.
Тираж 100 экз. Заказ №300004

ООО «Полиграфическое объединение «Стандарт»
443096, г. Самара, ул. Коммунистическая, д. 27, оф. 1
Тел. (846) 372-71-71

Отпечатано в типографии ИП Василенко Е. И.
Свидетельство серии 63 № 005609845 от 16.11.2012 г.

